

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

КОШМАРЫ РАЗУМА

2015

Оглавление

Пролог.....	6
Глава 1.....	7
Глава 2.....	8
Глава 3.....	8
Глава 3.....	9
Глава 4.....	12
Глава 5.....	14
Глава 6.....	16
Глава 7.....	17
Глава 8.....	19
Глава 9.....	20
Глава 10.....	21
Глава 11.....	23
Глава 12.....	25
Глава 13.....	27
Глава 14.....	29
Глава 15.....	30
Глава 16.....	33
Глава 17.....	35
Глава 18.....	36
Глава 19.....	36
Глава 20.....	38
Глава 21.....	40
Глава 22.....	41
Глава 23.....	44
Глава 24.....	45
Глава 25.....	46
Глава 26.....	50
Глава 27.....	52
Глава 28.....	53
Глава 29.....	55
Глава 30.....	57
Глава 31.....	58
Глава 32.....	60
Глава 33.....	61
Глава 34.....	63
Глава 35.....	64
Глава 36.....	68
Глава 37.....	69
Глава 38.....	71
Глава 39.....	74
Глава 40.....	76
Глава 41.....	77
Глава 42.....	79
Глава 43.....	80
Глава 44.....	82
Глава 45.....	83
Глава 46.....	85
Глава 47.....	86
Глава 48.....	87
Глава 49.....	89

Глава 50.....	90
Глава 51.....	91
Глава 52.....	92
Глава 53.....	93
Глава 54.....	95
Глава 55.....	95
Глава 56.....	97

С. А. Зелинский

Кошмары разума. Роман.

© Зелинский С. А., 2015

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

С.А.

Зелинский

Кошмары разума

2015

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ
«КОШМАРЫ РАЗУМА». РОМАН

роман

Кошмары разума

Пролог

Я в нерешительности смотрю на старые фотографии. Что я из себя представлял тогда? Неужели кто-то всерьез мог меня воспринимать? Да мне, наверное, так никогда и не казалось. И вот на фоне общей подавленности (которая была готова просочиться сквозь снимок), я вдруг угадывал то, что может быть думал тогда.

Удивительно, но я всегда ощущал внутренний страх. Страх, который я по-детски стремился маскировать излишней занятостью. Показным равнодушием. Быть может, иной раз, строгостью да серьезностью. А ведь на самом деле ничего такого и не было. Я никогда не был по-настоящему серьезен. И в душе, должно быть, был настоящий весельчак. Но так уже случилось, что тот образ, которым я в вынужденной мере вдруг решил подменить себя настоящего, также вдруг прижился. И с тех пор это новое каким-то образом вытеснило былое. Вроде как и когда-то настоящее. И теперь я смирился. Смирился с тем, что имею сейчас. И все же, если на самом деле попытаться оттолкнуться от современности, то, признаться, мне намного ближе и приятнее именно то, другое время. И пусть я не до конца все понимал. Вполне возможно, что этого не было так. Ну, или было – не совсем так. И именно тогда, за, казалось, существующей в призрачном тумане действительностью, я начинал различать те мгновения, благодаря которым быть может я и благодарен прошлому. Из-за которых во мне проявились как раз те задатки, с помощью которых я способен выживать сейчас. И, наверное, как раз тогда, самым ненавязчивым образом заполнялось (нужной... действительно нужной...) информацией мое подсознание. То есть как раз то, что впоследствии способно будет управлять моим поведением. Направляя (и раздувая) суть совершаемых поступков. И уже тогда - неужели у меня должно быть что-то меньше по отношению к своему детству, чем благодарность? Не думаю...

Глава 1

Я жил только сейчас. Все что со мной происходило раньше, этого как будто не было. И тогда уже можно было говорить о том, что моя жизнь внезапно совсем потеряла какую-то значимость. И меня совсем не волновало то, что со мной будет происходить дальше. Словно бы жизни этой у меня уже не было. Не могло быть. Но и в то же время - внутри разрастался какой-то призыв о помощи. И мне казалось, что окончательно ничего страшного не случится. Что словно бы в последний момент кто-то меня сможет спасти. Остановит. Вытащит из начинавшегося (я уже подозревал что это именно так) безумия. И если таковое действительно произойдет, то чего же мне тогда действительно волноваться? За что, как говориться, переживать? И переживать и расстраиваться - уже получается - не за что.

.....

Я начинал отдавать себе отчет, что та манящая реальность, которой я был так ненавязчиво окутан раньше, стала ускользать. И несмотря на какие-то мои попытки, мне не удавалось ощутить ничего, что так радовало когда-то. Что это было? Но очень хочется вновь говорить о какой-то загадке. Тем более что нет ничего более загадочного, чем то, что было в реальности. Да и до того момента, как я совсем потерял ощущение реальности, должно было еще пройти какое-то время. Совсем быть может незначительное время. Но так уж выходило, что оно было у меня что-то вроде форы. Той форы, которая, быть может, и есть-то не у каждого. А вот у меня была. Причем могу сказать, что я ее почти не ощущал в тот момент. Так же как и не знал, хорошо ли это, что она есть у меня?

.....

Из всего, о чем поведал я раньше, ничего не было.

Но считать так было ошибкой. Хотя бы потому, что это все же была моя жизнь. Жизнь, которую, быть может, я и не особо хотел вспоминать. Но и воспоминания о которой доставляли мне самое настоящее удовольствие. Хотя бы потому, что это была действительно моя жизнь. Жизнь, которой у меня уже никогда не будет. Жизнь, во время которой как раз и началось то расслоение сознания, во время которого я пребывал сейчас. И, пожалуй, уже это было самое печальное, что вообще могло произойти. Страшное, по сути, состояние. От которого совсем невозможно было избавиться. Избежать его. Избежать...

.....

Насколько, конечно, так нужно было извратить разум, чтобы по прошествии какого-то времени уже перестать что-либо понимать.

И при этом мне казалось, что все это происходит совсем даже не со мной. Словно был какой-то человек, которого я так неожиданно вдруг прочувствовал. И от которого же потом так стремительно хотел избавиться.

Действительно ли это был не я? Справедливее быть сказать - не я один. Но и в то же время - куда же тогда деть всех тех, образ которых периодически затмевал и мой. И пусть я от них хотел избавиться. Точно так же я понимал, что этого я никогда не сделаю. А через какое-то время я как-то быстро потерял ощущение реальности. И перестал понимать, в каком измерении нахожусь. Все свои мысли вовлекая в тот суматошный бег, в котором теперь пребывал.

Глава 2

Мне на самом деле все это надоело. Я не понимал, почему вспоминал сейчас что-то. Зачем это было мне. Устал я от воспоминаний.

И в то же время чем-то дороги были для меня эти воспоминания. Воспоминания о прошлом. Воспоминания о каких-то эпизодах жизни. От всего этого было как-то по-особенному приятно. Да и, наверное, не могло быть иначе.

.....

Мне бы задуматься, почему выходило так, что на моем пути большей частью попадались люди, желающие в чем-то на мне нагреться. Притом что я к этому как будто не выказывал никакого повода. И даже, наверное, сопротивлялся. Но вот только сопротивление это зачастую оборачивалось во вред мне. И все мои попытки не только разобраться, но и прекратить подобное впредь, были уже изначально безрезультативными. Словно их и не было. Словно я наоборот - хотел что-либо сделать во вред себе. И уже получается, не только хотел, но и делал. И все хотя бы на миг прекращалось лишь только тогда, когда я действительно проигрывал. А те, кто решился поживиться за счет меня - чувствовал свое могущество.

Глава 3

Я все время хотел разобраться: было ли так все на самом деле? Или это происходило в результате моего искаженного взгляда на мир. И на самом деле... ничего не было. Или было? Или не было? И тогда получается, мне все это казалось? Казалось настолько, что я не мог определить:

где же закралась ошибка? Почему мне вообще пришлось ошибиться? Почему я никак не мог исправить ситуацию? Почему тогда, когда я хотел действительно что-то выправить - или оказывалось, что я уже опоздал, или же наоборот, мне не верилось, что возможно что-то изменить в лучшую сторону. И все может как минимум остаться так, как есть. А в другом случае,- и обернуться против. Оказаться там, где нет ничего. Где запутанность ситуации покажется нормой. Где мне придется смириться с тем, что картина вырисовывается совсем нелицеприятная. А формат проходящей мимо меня жизни не подвластен мне. И уже кажется, что ничто не способно удержать его. Изменить в какую-либо иную ситуацию. Чтобы выглядеть, быть может, чуть более презентабельнее, чем это есть сейчас. И чтобы ничто не способно было помешать этому.

Странно, конечно, это все. Более чем странно. Но не в этой ли странности когда-то находил я себя? Соотнося с миром уходящей реальности. Ловя какие-то совсем ненужные мгновения. Делая ставку на нечто совсем туманное и загадочное. Чтобы уже после - стремиться убежать от этого. Не поддаваясь на что-то, что может мне когда-нибудь и помочь. И так уж получается, совсем не рассчитывая на это.

Почему так происходило? Прежде всего, наверное, мне следовало спросить самого себя. Но я уже знал почти непреложную истину: сколько я себя не спрашивал, ответов не находил. И от того склонялся к мысли, что таких ответов не существовало. При этом понимал, что ошибаюсь. Потому как абсолютно на все случаи жизни ответы должны существовать. Другой вопрос, что эти ответы могли быть неправильными. Показаться мне таковыми. Выглядеть совсем не так, как это могло быть. Могло бы быть. Да и, наверное, было. Но я в это не верил.

Глава 3

Удивительно, но несмотря на мою все время прорывающуюся непрактичность, я тем не менее иногда ловил себя на мысли, что по сути, все держится именно на мне. Потому что инициатором всех встреч, происходящих со мной (и с моим участием) был тоже я. И какие-либо отказы - именно я - обращал в плюсы. Только в плюсы. И пусть эти плюсы со временем исчезали, это уже было не главное. Хотя я, наверное, мог бы растеряться: что же было главное? Ведь случалось, что это мы делаем основную - и главную - ставку. И даже наоборот, подобным (неверным, конечно же, неверным) взглядом мы наносим вред самим себе. Но это уже все было действительно не главное. А вот что тогда было главным - действительно вопрос. Вопрос, на который я даже боялся искать ответ. И так выходило, что правильно делал.

Мне никогда толком не нравилось мое образование. И все-таки я понимал, что в своей юности сделал правильный выбор. Потому что не будь этого, мне все равно пришлось бы выжидать какое-то время, пока бы мои мозги не сформировались бы окончательным образом в выборе тех приоритетов, которые сделал я чуть позже. И получалось так, что я в который раз должен был благодарить судьбу, что все это вышло именно так, а не иначе. Если бы вышло «иначе», то мне пришлось бы много лет потратить впустую, занимаясь в лучшем случае лишь самообразованием. А так я перепрыгивал из одного поезда в другой. И к сегодняшнему возрасту не только имел несколько образований, но и докторскую степень. Что, конечно же, нравилось мне. Не могло не нравиться. И заставило переключиться на совсем другое восприятие действительности. Да еще и так, что трудно было предугадать какое. Но то, что я стремился к чему-то удивительно прекрасному - было, как говорится, без вопросов. Да ведь так это на самом деле и было.

.....

Из тех слов и поступков, в коих сейчас так хочется признаться – пожалуй, на первый взгляд выходит одна общая направленность, так или иначе вбирающая в себя множество всего остального. И, пожалуй, это именно то, в чем я мог раскаиваться и в самом раннем детстве, и в юности, и вполне (к сожалению) эта черта неискоренима и в моей взрослой жизни. Речь идет о столь отвратительном качестве – как предательство. Причем предательство в специфическом ключе. И выражалось оно именно в том, что я почти всегда на первое место ставил других, отдаленных мне людей – нежели самых ближайших родственников. Можно даже сказать (или признаться... признаться...), что в первую очередь я подсознательно пользовался советом, данным мне кем-то посторонним (инстинктивно ставя этого человека выше), чем, например, моим отцом или матерью.

Почему так выходило, что я видел в них врага? Ну, если не совсем врага – то, по крайней мере, никак не союзника. Считая почти что долгом выслушать их, а сделать противоположное. Вот ведь как. И даже не помню, чтобы я чувствовал до сего момента какое раскаяние. Словно это все было само собой. Причем оно настолько вошло в мои плоть и кровь, что я уже поступал так не задумываясь. Главное, чтобы было все как-то наоборот. Иначе. Вот ведь... каков подлец...

Однако, было бы вероятно слишком просто, если бы на осознании этого факта я бы и остановился. Я просто обязан был докопаться до первопричин такого вот поведения. По крайней мере – дабы обезопасить себя в последующем. Ну или, например, дать возможность на своем примере прочувствовать весь кипучий негатив моих поступков, чтобы уже кто-то другой не совершил чего-то подобного. И вот, сколько я ни раздумывал, все время мне почему-то виделась только одна причина: излишняя авторитарность родителей. Причем, наверное, даже в большей

мере, именно матери. Вероятно, отец достаточно накамандывался и на работе. По крайней мере дома он хотел только тишины. И достаточно лояльно относился, если кто не хотел исполнять то, что он просил. Просил, а не приказывал. То есть, другими словами, именно стремление избежать своей деспотичной матери толкало меня к своего рода протесту. Протесту к подчинению. И видимо лишь только став постарше, я уже мог себе позволить проявлять «непонимание», нисколько не собираясь ей подчиняться. А то и дела – абсолютно назло. Иначе, чем хотела она.

Кстати, видимо уже с тех пор и пошло, что я нисколько не терпел к себе достаточно строгого отношения. Испытывая некое даже благоговение перед какой-либо формой строгости, я тем не менее, не переносил, если это каким-то образом оказывалось повернуто против меня. Должно быть как-то окружающие это чувствовали, а потому ничего подобного я никогда и не ощущал в полной, так сказать, мере. Ну а если что-либо и было, то моментально рвал с подобным человеком всяческие отношения. Зачем? Зачем мне было терпеть излишнюю нагрузку на собственную психику из-за него? Тем более придурков хватает и так. И расставшись с одним – вы нисколько не можете быть уверенными, что тут же вам не попадет еще один. А потом еще и еще.

Однако, подобные мои выводы как бы служат и самооправданием самому себе. Но так ли это было на самом деле? Действительно ли я был настолько невинен, что, оправдываясь, с легкостью отбиваю подачу в сторону подававшего. Обрекая именно его на те мучения, которые он испытывал и так. Вследствие именно моего отношения. Но я, наверное, и не мог уже поступать как-то иначе.

Но вот что кажется странным, то почему, при всем моем стремлении к размышлениям (которым я предавался всегда и подолгу), я так и не смог не совершать ошибок, которые совершал и совершал в бесчисленных количествах. Быть может это было, своего рода, карой, расплатой за что-то? Быть может так действительно было запрограммировано? И если рассудить, что все наши деяния – суть управления каким-то иным разумом, то тогда в какой-то мере это все и объясняется.

Однако, если отбросить излишне теологический настрой и учесть, что во всем повинны мы сами, то тогда выходит совсем даже иначе. А именно, что я сам во всем и виноват. И виновность эта – именно расплата за мои прегрешения. Мое непонимание ситуации. То есть вполне можно сказать, что я недопонимал всего того, что столь коварным и провокаторским образом вставало у меня на пути. И за стремлением избежать всего того, что было как раз и проявлением страха и трусости. Трусости да страха.

Но неужели это было? Не есть ли все это на самом деле лишь стремление наказать самого себя? Считая себя же повинным в совсем не существующих делах. И еще более – в мыслях. В мыслях, которые наверняка и не были тогда таковыми. А то, что видятся такими сейчас – всего лишь ошибка. Искусственная ошибка. Ошибка, которой вы природе на самом деле не существует.

Но поистине серьезная загадка заключена в том, что я никаким даже самым надлежащим образом и не способен буду оценить правдивость или призрачную иллюзорность собственных воспоминаний. Ведь действительно, вполне может быть, что ничего даже схожего и ни когда не существовало на самом деле. А стремление ко всем подобным воспоминаниям – не иначе как попытка обличить самого себя. Заставить воистину содрогаться от прошлого, которого в действительности и не было. Вот ведь как.

Глава 4

Порой доходило до абсурдной нелепости – я сопротивлялся улучшению своего состояния. Мне отчего-то казалось, что я должен жить значительно хуже, чем то, что было мне предначертано. И почти целенаправленно (интуитивно угадывая верное направление), я убежал от него. Тем самым наказывая себя и получая взамен лишь малую часть положенного. Но оставался доволен. Почему? Откуда это стремление к ненужным страданиям? Отчего сразу не получить всего, чтобы потом добиться еще большего? Разве был в этом какой смысл? Или мне тогда на самом деле казалось, что в этом был смысл? Но какой?

Сейчас я понимаю абсурдность ситуации, и у меня уже совсем ничего не появляется, как только сожаления. Сожаления от того, что происходило все так, а не иначе. Сожаления за почти безумно проживаемые годы. Ведь насколько это может показаться странным, мои излишние философские размышления на каком-то этапе стали играть обратную роль. И я внезапно начинал удаляться от поставленных целей. Источая силы на разрешение совсем ненужных и почти несуществующих задач. А то истинное, ради которого следовало вообще загружать свой мозг – самым неожиданным образом удалялось от меня. А я несколько не догадывался о том.

Но насколько сейчас застрахован я от не повторения собственных ошибок? В какой степени мне сейчас кажется, что я способен избегать прошлого. Прошлого, которое таким таинственным образом всплывает в моих воспоминаниях. И вслед за рождающейся ностальгией – рождается вопрос: правильно ли я использую его? Действительно ли я уже извлек из него все самое ценное? Правильно ли расставил акценты? Или все это тоже – лишь еще один взгляд на несуществующее положение дел. И на самом деле я иду по какому-то ложному пути. Не способный отличить зерна от плевел. Насколько я себя обезопасил от всего этого? Наверное, покажет только время. Время, которое, как мне кажется, теперь исключительно за меня. Но как это все на самом деле?

И я почти не знал – что нужно было делать на самом деле. Но даже если бы и знал – то сомневаюсь что мог бы этим воспользоваться. Все игры в детские воспоминания самым

незадачливым образом становились похожи на нечто бутафорское. По крайней мере я почти не мог быть уверен, что наступит какой-то положительный результат.

Сейчас меня захлестывало настоящее безумие. В попытку избежать наступления его поверил я сам. Но быть может потому так усиленно сопротивлялся. Почти все, что я когда-то запланировал в жизни, получилось. Но осознание этого стало возможным лишь в ином, измененном состоянии сознания. Там, где мне почему-то действительно все удавалось. Тогда как стоило только заикнуться (мысленно... мысленно...), стремясь перенаправить все это в иную (вероятно, более очевидную) плоскость – и я заранее мог предсказать результат. Непреднамеренный, но каким-то неведомым мне образом изначально запланированный. И я уже не мог ни на что надеяться. Также как и почти совсем перестал испытывать покой.

Я забыл, что это за состояние. Я перестал надеяться, что когда-нибудь наступит оно. Я потерял веру в то, что такое вообще когда-то бывает. Мой разум медленно разрушался. И если я мог попытаться уловить какое мгновение когда не был охвачен безумием, то это почти лишь только были воспоминания. Хотя с недавних пор я стал всерьез сомневаться, что это было именно так. Скорей всего воспоминания тоже оказывались вымышленными. Настолько же вымышленными, как и вся моя жизнь. Жизнь, состоящая лишь только из призрачных намеков, вымышленных ситуаций, несуществующих и так никогда не реализованных желаний. Все оказалось лишь одной иллюзией. Пусть и достаточно объемной, чтобы вместить в меня несуществующую жизнь. Но когда мне кажется что все на самом деле существует, стоит лишь одернуть себя. Ведь это обман. И я сам спровоцировал наступление его.

Но неужели было время, когда я мог всего этого избежать? Неужели был тот момент, когда я еще мог переступить на другую сторону этого многогранника, именуемого жизнью. Или судьбой. И уже тогда, вероятно, все бы вышло совсем иначе. Совсем иначе, чем оказалось на самом деле. Но разве это тоже не признак безумия? Разве способны мы убежать от неожиданных заданий. Стремясь избежать изначально запланированных ошибочных ответов. Ведь если только попытаться принять ожидаемый ответ – разве не случится тогда все тоже самое, что случится все равно, но за значительно меньший срок? Однако, к чему бы не привели меня сейчас эти размышления, я почти наверняка уверен что все равно бы никогда не принял правильного ответа. Насколько бы он не казался мне таковым. И вероятно именно в этом заключается борьба. И даже не совсем простая борьба, а именно выживание. Выживание в том мире. Впрочем, к чему упоминание об этом. Откуда такая нелепая попытка, стремление переложить все на кого-то иного. Не лучше ли самолично принять расплату за все. Расплату, которая долго ко мне подбиралась. Расплату, которая была изначально запланирована. И ту самую расплату, наступление которой я все время отдалял.

Глава 5

В жизни мне все приходилось совмещать. Ну, во-первых, я не думаю, что у меня был действительно какой-то выход. Я должен был подстраиваться под обстоятельства. Или подтаскивать обстоятельства – под себя. А во-вторых, мне всегда казалось, что за этой вынужденной мерой лежит нечто большее. Быть может вообще моя способность к выживанию. Потому как, чтобы я не делал, как бы я не стремился отделить одно от другого, вскоре я понял, что этого просто не следует делать. Необходимость физической занятости, которую я непременно практиковал, способствовала интеллектуальной деятельности. И я уже знал наверняка, не будь этих занятий двигательной активностью, почти непременно загнал бы себя в те непоправимые дебри подсознания, из которых было не так просто выбраться. Если вообще – оказалось бы возможным.

.....

Что такое алкоголь? Это возможность забыть многое. И что-то новое открыть для себя в подсознании мира. Важно только выработать свою культуру питья. А иначе – зачем пить?

Я пил много. Испытывая при этом настоящее наслаждение. И до сих согласен с утверждением классика, что тот кто, не пьет,-- или больной или дурак. Уж пусть извинят меня те, кто не пьет по каким-то другим причинам. Впрочем, к таким людям я относился с подозрением. В них все-таки не было чего-то такого, что говорило бы мне об уверенности в них. И понимание этого на самом деле намного глубже, чем можно было бы предположить на первый взгляд. Ну, так уж выходило.

.....

В чем, по сути, должны выражаться страдания? Так-то уж следует опасаться их? Опасаться, а значит избегать. Но разве можно избегать того, чего быть может и бояться не стоило? И я не боялся. Да и чего мне бояться? Я просто жил со своими страданиями. Считая их неотъемлемой частью самого себя. И если бы не было их, то, наверное, почти тот час же задумался бы я: а почему?

Конечно же, я понимаю, что главным образом сам провоцировал возникновение в своей душе тех ран, от которых в дальнейшем и изменялась моя жизнь. Я словно уже не мог жить какой-нибудь обычной жизнью. Не замечая и половины того, на что обращал внимания. И если это в моем случае бывало возможно, то я даже и не знаю - чья великая заслуга была в том. Потому что я обращал внимание на любые мелочи. И мучился от этого самым незавидным для психики образом. Так что иногда даже задумывался: почему еще продолжал жить? Ведь по всему – жить я был не должен. Пусть и хотел. Теоретически я могу предположить (практически – я просто не помню), что все-таки хотел продолжения жизни. Наверное, каждому из нас будет любопытно узнать, что там

впереди. Тем более будущее завораживало своими неизведанными далями. Это все следствие богатого воображения. И я, конечно же, знаю. Но вот так получалось, одних знаний-то и не достаточно. Я могу сказать, что это вообще ничто. Главное – не наличие каких-либо знаний, а умение ими правильно пользоваться.

Вероятно к страданиям можно было отнести и страх. Потому как наличие страха вызывало страдание. Являлось как бы следствием его. И я совсем ничего не мог поделать с этим. И мне как вроде бы следовало только смириться. Ну а насколько готов я был к какому-то смирению? Да быть может и не готов. Если учитывать что внутренне (в глубине души) я и вообще готов был лишь к одному смирению. И мне уже казалось, что ничто не способно отвратить наступление той беды, следствием ожидания которой и являлся, собственно, страх. И ничто не могло избавить меня от этого самого ожидания. Как, впрочем, и от тех навязчивых мыслей, которые все время роились во мне, словно вынуждая следовать непонятно кем выбранному, плану.

Да я, в общем-то, через какое-то время боялся вообще думать о чем бы то ни было. Потому как любые мысли могли потянуть за собой возникновение таких ужасных последствий, что, в общем-то, уже я бы и не знал, как от них избавиться.

Несерьезно все это было. Иной раз у меня создавалось впечатление, что все это действительно не серьезно. Что я какой-нибудь маленький мальчик. Который вдруг принял образ взрослого человека, а на самом деле и думает еще по детски, и также по детски пасует перед решением взрослых задач. И в таком положении я находился достаточно долго. И, по сути, нахожусь до сих пор. Просто, быть может, меньше задумываюсь об этом. И ничто не говорило о том, что моя жизнь когда-нибудь изменится. В первую очередь вероятно потому, что я сам ее не хотел изменять. Не собирался. Даже быть может, не мог. Но если и предположить что не хотел – то это все было тоже правдой. Ибо я действительно ничего не хотел. И почти не мог настроить себя изменить собственную жизнь. У меня почему-то была уверенность, что я могу изменить собственную жизнь, если, например, перестану относиться к себе с тем предубеждением, с каким относился доселе. Но разве способен я буду хоть когда-нибудь относиться к себе иначе? Нет. Конечно же, нет. Для того что бы так случилось - мне бы потребовалось сначала убить себя, а потом родиться заново. Что, в общем-то, мало возможно. Если вы, конечно, не являетесь последователем, например, синтоизма (чтобы убить себя), или буддизма (чтобы получить шанс на второе рождение). И японцы и индийцы верят в это. А во что верил я? Ни во что. Боюсь об этом думать. Потому что думать об этом – значит по-прежнему находиться в положении погружения в некую ирреальность. В которой, собственно, я и жил. Ну а то, что тяжело мне было. Судьба, наверное.

Глава 6

Случалось иногда, что я начинал обижаться на самого себя. Мучительно, больно и неприятно становилось мне тогда. И ничто не помогало выбраться из ситуации измененного состояния сознания, в котором я оказывался. И быть может мне просто необходимо было сменить свое собственное настроение. Начать улыбаться, например. И тогда бы жизнь изменилась. Но мне не хотелось улыбаться. Намного приятнее было страдать. Находиться в некоем подавленном состоянии. Когда все или раздражало, или я ко всему относился с абсолютным и равнодушием и недоверием. Практически ни во что не веря. И тогда...

Нет. Иногда мне действительно не хотелось жить. Но ведь я и не мог просто так закончить свое существование. Я находил некоторое успокоение в своем сознании. Именно страдание как бы оправдывало те события, которые случались со мной в жизни. Именно благодаря страданию я был спокоен, что уже как бы искупаю свою вину. Вину неизвестно перед кем. Но в то, что эта вина была – я верил. И даже может быть обязан был жить с ней. С постоянным ощущением чувства вины. От которого не мог избавиться. Потому что избавляться не хотел. И вина, и – как следствие ее – страдание были моей защитой перед тяготами жизни. Я словно бы прятался за них и мне становилось намного спокойнее, когда они у меня были. И, наверное, отсутствие их я бы и не переменял вовсе. Такой я был человек. А что поделаешь?

.....

Мне было тяжело. Мне было очень тяжело ощущать себя сумасшедшим. И я даже не верил, что это так. Притом что факты как будто говорили об обратном. И тогда уже мне не оставалось ничего кроме того что я, в общем-то, и делал. То есть жил. Жил, оставаясь таким, каким я в принципе и был. Без особенного желания измениться. Потому что любые изменения наверняка могли принести что-то новое. А я этого и не хотел опасался.

Но ведь у меня не было никакого другого шанса. Да и нужен ли был он? Начни я изменять себя, и еще неизвестно что получилось бы после. Да и наверняка бы ничего хорошего из этого не вышло. И тогда я уже должен был идти лишь по одной дороге. Словно бы уже и не гадая, куда она меня приведет. Да и наверняка ведь куда-нибудь выведет. Вот только знать бы куда?

.....

Говоря о страдании, о понимании страдания, я, конечно же, отдавал отчет, что если допустить, что это касалось меня – от него мне не так просто будет избавиться. Разве что можно

было изменить общее восприятие от страдания. Изменить сам смысл существования. Сделать страдание как бы не нужным. И уже если это действительно так – то передо мной вполне могла быть общая схема избавления от страдания. То есть снимаешь эффект от страдания тем, что сам избавляешься от роли страдальца. Избавляясь тем самым и от некоторой мазохистской зависимости. И, конечно же, как только начинает происходить так – уже и страдать вроде как не хочешь. Исчезает удовольствие ощущать себя «униженным и оскорбленным». И ты просто-напросто ищешь какой-то другой способ, как обратить на себя чье-то внимание. А «страдание» уже как вроде бы и не используешь.

Ну а на самом деле, конечно, у меня теперь как бы была подноготная моего страдания. И так получалось, что именно мне страдать больше не хотелось. И тогда... и тогда я начинал страдать за кого-то другого. Все что в этом мире было не так, выбивалось из правил, все это отзывалось в моей душе непрекращающейся болью. И только на первый взгляд на это можно было не обращать внимания. И, получалось, и проблемы может не существует. А на самом деле – страдая за других, я конечно жил. Начиная жить частично, в том числе, и их жизнью. И даже быть может – начинал отыгрывать за других их собственные страдания. Не мешая, впрочем, страдать и им. А наверняка даже действуя наравне, одновременно, и нисколько уже не задумываясь, что так быть не должно. Да и почему не должно? Если существовало что-то, что вызывало в моей душе какие-то переживания – то почему, собственно, так не должно было быть. И от меня требовалось вполне элементарно проявить уважение и человеколюбие. Показать, что есть совесть, наконец. И если так все и действительно было – о чем же тогда, собственно, переживать?

И тогда какое-либо переживание могло быть только в одном – в переживании за совершенные кем-то поступки, свидетелем (пусть и невольным) которых стал. И вот за это ты и вправду должен страдать. Ну а почему нет?

Глава 7

Самое трудное для меня было то, что я чувствовал, что люди меня не понимают. Нет, конечно же, когда я говорю «люди» -- это совсем не значит большинство. Те, с которыми я не имел никаких «интересов» -- на удивление, не только меня понимали, но и даже проникались доверием и уважением ко мне. А вот некоторые из близких... Весь смысл той боли, которая прочно сидела внутри меня – заключалась в том, что я часто чувствовал, что между мною и людьми, выдававшими себя за моих «близких», на самом деле была воздвигнута настоящая стена непонимания. Я никогда не мог положиться на них. Я не был уверен, что они меня действительно понимают. А еще точнее – я был совсем не уверен в этом. И от этого мне, конечно же, было трудно. Невероятно трудно.

Порой, мир уходил из-под ног. Я не знал, за что мне нужно было ухватиться, чтобы хотя бы удержать равновесие. Вернее – нет. Равновесие-то, я как раз зачастую совсем не удерживал. Но в последний момент находилось что-то, благодаря которому я не только поднимался, но и даже взлетал вверх. И это, наверное, было самое счастливое, что во всем этом могло быть.

.....

В мои годы было заметно, что меня еще не мучили те проблемы психики, от которых я страдаю сейчас. Хотя, вероятно, к тому были все предпосылки. И я могу сказать, что если бы мне спохватиться раньше. Ведь вполне возможно и не было бы у меня всех нынешних проблем. Всей этой психопатии, от которой я мучился, и которую усиленно скрывал. И мне удавалось скрывать. А вот практику такого сокрытия, я, вероятно, выработал как раз в те юношеские годы, когда еще ничего не знал ни о психике, ни о том, что существуют в этой самой психике проблемы. И наверняка мне ничего не было известно и о том, что пройдет десять – двадцать – тридцать лет,-- и придется мучиться со всей той симптоматикой, от которой в юношеском возрасте мне было бы избавиться значительно легче. Значительно легче. Но... Но тогда я покрывался красными пятнами негодования от одного упоминания о врачах. И тем более о врачах психиатрах. (Причем я уверен, что мне как раз ничего о работе последних в то время не было известно). Я делал такое разгневанное лицо, что любые сомнения по поводу того, стоит или не стоит меня вести к врачу, как бы отпадали сами собой. В пользу того что «не стоит», разумеется. А получив подобный «карт-бланш», я совсем перестал обращать внимание на свою психику. Точнее, на то, каким она кажется со стороны. Хотя вероятно и старался все же не выглядеть уж слишком «сумасшедшим».

Впрочем, тут уж я немного ошибаюсь. Скорее всего, я старался сделать все, чтобы разрешить внутренние противоречия. Которые во мне как раз уже тогда назревали. А с возрастом грозили превратиться в настоящую катастрофу. Но вот только почему я тогда это не заметил. Или не заметил (что было вернее) кто-то из моих родственников. Которые опекали меня. Те же родители. Вот он вопрос. Хотя, скорее всего, заметили. Но я не дал им предпринять какие шаги для своего «спасения». И вот тут я подошел к одной моей «особенности» Влада, о которой просто обязан упомянуть. А дело все в том, что я как будто специально (а на самом деле это выходило «само собой») делал все, чтобы «навредить» себе. И как ни странно – это было именно так. Когда что-нибудь у меня получалось (действительно получалось), я делал все, чтобы отбросить себя на прежние позиции. И даже не то что на прежние, а как бы намного дальше – чем я уже дошел до того. И это могло показаться удивительно, но, к сожалению, это было так.

Такая ситуация могла бы показаться нереально», если бы не было известно что помимо меня, подобной «способностью» обладало достаточное количество людей. Такие люди сначала

предпринимали все, чтобы что-то добиться каких-либо благ для себя. А потом (когда эти «блага» четко вырисовывались перед ними), как будто наоборот делали все, чтобы сделать себе хуже. В психологии подобное известно под понятием «морального мазохизма». Человек как бы бессознательно причиняет вред себе. Для того только, чтобы все время находится в состоянии «жалости к себе». Жалости, со стороны и окружающих, и самого себя. Если только ситуация «выравнивается» (и как будто можно «праздновать победу»), на таких людей как будто «что-то находит». И они всячески начинают делать поступки, которые для них изначально не могут принести ничего хорошего. Ничего положительного. Поступки, от которых известно, что будет одно лишь страдание. Но если для кого-то именно так и происходит, то для людей подобных мне – это составляло самую что ни на есть радость. Потому что я сразу же чувствовал себя отменно. У меня даже пропадала былая тревожность (которая обычно сопровождает меня повсеместно), и мне становится просто-напросто «интересно жить». Пока такая ситуация вновь не приведет сначала к кризису, потом к избавлению от этого кризиса, а потом... А потом эти люди вновь стремятся (неосознанно) причинить «вред» (моральный вред) себе. И только для того, чтобы потом всячески стремиться от этого избавиться. Это замкнутый круг. Но я могу сказать, что такие люди обречены. И в последующем им уже ничего не остается, как жить подобной жизнью. И ничего другого им уже не нужно. И что-то другое будет у них вызывать резко отрицательное настроение. Вот так вот. Но это их жизнь. И другой жизнью - они просто жить не могут.

Глава 8

Уже лет десять (как минимум) я жил во внезапно начавшемся разладе моего истинного «Я» - с окружающей действительностью. Можно даже заметить, что никогда особой конфронтации не было. Был не совсем удачный поиск согласия. И теперь уже стоило заметить - давался мне этот самый поиск с большим (и так нереализуемым до конца) трудом. Тем более следовало признать, что это мое состояние,-- не было таким уж внезапным. Истоки следовало искать в детстве. В коем, по всей видимости, и зародились ростки проблем, которые аукнулись столь незамысловатым образом в будущем. Но что мне было делать? Вероятно тогда, когда я первый раз ощутил в себе некое разрывающее меня изнутри чувство тревоги и внутреннего беспокойства, я не понял что произошло. Просто стало мне вдруг как-то грустно и обидно. Причем, по всей видимости, причину подобной обиды стоило искать только в себе. И это почти означало, что только я сам мог себе помочь.

В принципе, я довольно честно искал пути спасения. Я подолгу анализировал свою собственную психику, искал начало своих отличий от остальных. И уже можно было сказать, что

подсознательно нащупывал ту невидимую доселе нить, которая должна была меня вывести обратно. То есть можно было сказать, что я неким таинственным образом отождествлял все время свою экзистенциальную борьбу с игрой. Ошибочно полагая, что всегда смогу вернуться назад. Обратно. И совсем не заметил, как ступая, в принципе, по ложному пути,-- забрел в те невидимые дали, от которых если и был путь обратно, то только уже был он, во--первых, совсем иной по характеру возвращения (а отсюда и само возвращение было обличено в достаточно таинственные рамки), а во-вторых, быть может и не было уже этого самого пути назад (в привычном понимании этого слова). И почти наверняка, должен он был являть собой некий таинственный симбиоз хитросплетений, который не разрешался совсем простым и обыденным образом (как говориться - поворачиванием вспять), а представлял из себя достаточно сложную загадку, у которой и ответа-то не было. А значит уже почти наверняка предстояла самая настоящая борьба. Борьба, у которой быть может не было победителей. А если и было какое-то подобие их, то все представлялось мне совсем запутанным. Таким, к чему так сразу, без предварительной подготовки, не подойдешь. Правда, вся сложность заключалась, что эта самая предварительная подготовка растянулась на несколько десятилетий. Пока я не понял, что вопрос надо решать. Вполне опасаясь, что иначе он мог и не решиться вовсе.

Я никогда не искал легких путей. И даже там, где можно порой значительно облегчить себе задачу - я выбирал самое сложное направление. И в этом почему-то видел залог своего существования. Существования, которое проходило исключительно в борьбе. И вот уже вслед за этим экзистенциалистским видением я находил путь, который так или иначе должен был привести меня к результирующей удаче. Удачи в чем? В последние годы, за приоткрывающим тайны бытием, я уже не видел по-настоящему того, что могло меня спасти. Более чем явственно впереди маячил хаос. Но быть может именно все это давало мне возможность невероятно мобилизоваться; а уже вслед за этим я мог найти тот взгляд, который, должно быть, и не совсем должен был для меня открыться. И уже я видел в случившемся избавление от страданий. Страданий, так бередящих мою душу. И уже вслед за всем этим достаточно явственно пририсовывалась дорога. Дорога в никуда...

Глава 9

Собственно говоря, что же тут было плохого? Ведь, если допустить, что жизнь в гармонии с собой и есть итоговый поиск философии в целом, то вроде как становится и оправданным все. Тогда как можно было при желании взглянуть на все с совсем иных позиций. Но мы так делать не будем. Да и что я мог поделать со своим вторым «Я»? Вступать в борьбу? Глупо. Идти наперекор

(что только усугубляет, оправдывая первое) - глупо вдвойне! Но и смириться было бы неправильным. А значит, следовало найти какие-то точки соприкосновения и уже в этом случае явно просматривался бы и способ существования другого (следующего, остального, основного) пути. И, по всей видимости, было это чуть ли не единственным избавлением от надвигающегося (и, так или иначе, нависающего надо мной в течении всей жизни) кошмара разума. И вот почти наверняка теперь получается, что предотвратить этот самый кошмар я мог одним единственным образом. Что я, собственно говоря, и делал. А прав я был или неправ... Наверное все-таки прав. Иначе жизнь была бы как минимум вдвое скучней. (Чего я не хотел и не мог допустить). А в чем мне виделось движение вперед? Да главное ведь, чтобы что-то не потянуло в сторону. Хотя и это, должно быть, мне не грозило. (Уж страховался как мог). И все подобные игры мне почти не доставляли беспокойства. Ибо расценивал я это не иначе как самую настоящую необходимость. Которую, вероятно, и оправдывал как мог. Чем?.. Ну это, вероятно, уже другой вопрос. Главное заключалось в том, что я без этого уже не мог. И тогда было понятно, почему расценивал подобные игры как необходимость. Иначе ведь и правда не мог.

Глава 10

Прошло время – а я все живу. Я до сих пор живу в своем корреляте психического познания, от которого за это время невероятнейшим образом устал. И что удивительно – я даже начинаю привыкать к этой стершейся грани между действительностью и тем таинственным иллюзорным миром, во власти которого я неким загадочным образом очутился. Почему, за что, - я уже почти не задаю подобные вопросы. Вопросы, ответ на которые может быть настолько болезненен и непредсказуем, что я и не жажду его. И быть может даже не нахожу для самого себя необходимости подобного разрешения конфликта. Словно опасаясь признать, собственно, его за конфликт. Да и какой на самом деле это может быть конфликт, если я почти что сам вызвался признать в себе подобное состояние. А ведь признание в этом случае ничто иное, как констатация факта его существования. Тогда как еще недавно я не мог согласиться ни на что подобное, потому как понимал, что все это временно и не на долго.

Но вероятно тогда, когда я согласился играть в эту навязанную подсознанием игру – и началось то, что случилось позже. То есть почти наверняка, что в то время еще можно было что-то предотвратить. Но я того не хотел. А ведь я действительно этого не хотел, вероятно считая, что всегда смогу прекратить подобную экзекуцию сознания.

Не смог. На каком-то этапе просто-напросто заигрался. Допустил ошибку. Посчитал себя достаточно сильным, чтобы попросту вернуться тогда, когда захочу. Или того пожелаю. А вот потом вроде и желал, и хотел, но уже ничего не получилось. А должно ли?

Невероятно, но события самого раннего детства все чаще и настойчивее воскресали в памяти, рождая боль. И почти ничего кроме боли. Ибо стоило мне только что-то вспомнить, как картинка из прошлого высвечивалась почти исключительно только негативизмом былой ситуации. Негативизм – почти никогда не замеченный в те времена. Но вот в том-то и дело, что сейчас я видел события прошлого лишь только в самом что ни на есть отрицательном ракурсе. Почти всегда я оказывался виноват. И даже, сколько ни пытался восстановить оправданность моего тогдашнего поведения, ничего мне не удавалось. Я оказывался исключительно виноват. Виноват во всем. Да и, вероятно, так оно и было. Тем более что занимательно – иногда я даже припоминал то, что думал на тот момент. Хотя произошедшие случаи могли быть и в десять, и в пять, и даже в три года. Парадокс? Но ведь так и было на самом деле. То есть уже тогда на первое место выходили мои самые отрицательные качества. Которые, вероятно, все это время с тех пор находились исключительно в бессознательном. И которые, также вероятно, заметно усилились с тех лет. Можно даже сказать, что я помнил как сейчас (причем сами воспоминания иной раз вспыхивали ярким свечением отражений былой безысходности и от них нельзя было избавиться как только «проговорив» их мысленно в своем подсознании) иные ситуации раннего детства. Ситуации, в которых более чем явно проявилось мое загадочное поведение перед доверявшими мне людьми. Но хоть и был я сам по себе загадкой, это почему-то вполне легко мне удавалось скрывать. Так что почти никто никогда и не догадывался что я из себя представляю на самом деле. Быть может их всех что-то подкупало во мне? Но что? Ведь, если честно, до сих пор я почти не задавался подобными вопросами. Нет, конечно, подразумевал, что, по большому счету, это неспроста. И люди должны были чем-то оправдывать свою доверчивость (излишнюю, конечно же, излишнюю) ко мне. Но сейчас вот подумалось: быть может вся эта подкупающая любовь происходила на бессознательном уровне? И люди почему-то беззаветно доверявшие мне и сами не задумывались как все это происходило? Как, каким образом они оказывались в моей власти? Хотя, по большому счету, я сам подобной власти никогда не желал. И не то, что она была мне не нужна. Скорее всего я даже не задумывался серьезно по этому поводу. А все выходило как бы само собой. Хотя и не сказать, что без моего ведома. Вероятно, в моих словах или жестах все равно что-то такое проскальзывало. Что, на мою тогдашнюю беду, излишне располагало людей. Доверившихся мне. И преданных мною же. И с этой мукой совести мне теперь приходилось жить. Приходилось смириться с этим. Смириться, потому как я никак не мог противостоять искушению вести себя и дальше точно также. Но даже если бы и не хотел... Это уже не зависело от меня, происходило

почему-то совсем без моей воли... без моего желания... И конечно же – без моего участия. Без моего сознательного участия. Ибо с недавних пор я всецело (полностью и исключительно) доверял бессознательному. И лишь молча взирал – куда оно меня уносит. И тогда уж события из прошлого нескончаемым потоком (один другого хуже) проносятся перед моим сознанием. И я даже не хочу, не пытаюсь выхватить, удержать хоть один факт из прошлого. Ибо больно, невероятно больно вспомнить что-то подобное.

Глава 11

Я почти впервые так запутался в себе. То, что раньше принимал за некий луч истины – теперь в одно мгновение становится безвозвратно утеряно и не нужно вовсе. И мне почти абсолютно безразлично, к чему это все приведет. Вернее – вопрос: приведет ли оно вообще к чему? Не есть ли это самый настоящий путь в никуда? И если это так (если это на самом деле окажется так), то не означает ли, что и дороги вернуться обратно не существует больше, а само томление подобным окажется вдруг страшным до неузнаваемости своей безысходной правдой? И тогда уже окажется, что то, к чему стремился – безвозвратно потерянным. Ненужным. Лишним. Наступит ли на самом деле осознание этого факта? Или вместе со всем этим пропадет и способность какой бы то ни было оценки? А вот ведь удивительно – состояние, то внутреннее состояние (и, главным образом, ощущение этого) в котором я нахожусь, что если оно уже кажется странным не только мне? Что если еще кто-то начинает замечать происходящие во мне пертурбации, вызывающие... вызывающие появление доселе неизведанных ощущений. Таких, быть может, которые и было бы невероятно страшно описать, поведав о них (вдруг и сразу) всему миру?! Или я только один способен различать подобное? Но не будет ли это игра с ветряными мельницами? Быть может и не следует так уж замыкаться на собственных впечатлениях, посчитав, например, что если это происходит только со мной, то почти что значит и касается только меня. А другие здесь вроде как не при чем.

Но, должно быть, это не совсем правильно. Ибо то, что замечается таким вот образом мною – уже почти что есть ни что иное как подтверждение наличия (существования) совести. Совесть, как нечто того, что скорее всего как раз и не дает мне права молчать. Но что это? Неужели я и впрямь вдруг стал таким честным? А может я и был таким? И доселе все это существовало почти исключительно в моем подсознании, не выходя наружу и лишь подспудно влияя и определяя характер моих действий да совершаемых поступков. Когда-нибудь, вероятно, я должен был задуматься над этой простой (и даже простейшей, более чем простейшей и даже напрашивающейся само собой) истиной. Незачем усмирять в себе два разных человека. Надо дать им вправо

выговориться обоим. Нет, надо даже им дать право насладиться полемикой (хотя будет ли когда-нибудь что-то подобное между ними) друг с другом. Насладиться самыми настоящими откровениями их откровений. И тогда мне останется всего лишь слушать, представив им, быть может, поле для игры. Игры на одни ворота, игры, в которой (как изначально уже известно мне) просто и не может быть победителя. Это как право первой ночи – двое сливаются еще как будто вместе,-- но уже через мгновение из них получается лишь одно целое.

Я давно таил в себе это желание. Еще как-то, помнится, противился, притворствовал столь, как кажется сейчас, элементарному началу пути. И как будто усмиряя и одергивая в чем-то самого себя понимал, что может как раз в этом и должна заключаться правда. Или истина. Ну или что-нибудь вроде того. Нет. В какое-то мгновение я начал разубеждать себя в столь непонятном (неужели и впрямь представлявшимся мне таким?) откровении...и в следующую минуту понимал, что ничего больше не надо.

Где-то рядом было и мое восприятие действительности. Ведь так хотелось мне не обращать внимания на действительность. Хотелось жить (продолжать жить) в каком-то своем мире. Пусть это и был мир иллюзий. Пусть. По сути ничего такого уж страшного в этом не было. Ведь я всегда считал, что люди живут в соответствии с какими-то установками, придуманными для самих себя. И их жизнь в большей мере зависит от наличия этих самых установок, чем это даже можно было предположить. И в соответствие с этим они надевают на себя соответствующую маску. Чтобы после ее уже не снимать. Потому как вдруг оказывается, что гораздо труднее ее надеть, чем потом от нее избавиться. От нее и прежде всего от того образа, который вызывает она в представлении окружающих. А образ как бы уже тянет за собой и те модели поведения, в которые ты, таким образом, должен уже подпадать. Вписываясь в стереотипное поведение тебя как представителя этой маски - в проекции со стороны окружающих. И в соответствии с этой маской (с существованием ее) вы уже начинаете строить жизнь. И реагируете на какие-то ситуации, возникающие в вашей жизни тоже исходя из наличия в вашем подсознании той или иной установки. И вот это я наверное понял уже давно. Пусть и окончательно смог сформировать это много позже. Но вот интуитивно нащупал давно. И ничего нельзя было с этим поделать. Ничего. Надо было (действительно надо было) только смириться. Строить, продолжать строить, свою жизнь уже в соответствии с этим. Чтобы ничто больше не нарушало спокойствия. Единения, к которому, замечу, я всегда стремился. И это было действительно так и никак иначе. Иначе просто, наверное, невозможно.

Глава 12

Я понял, почему, собственно, какие-то слова женщин, с которыми я общался, были мне безразличны. Хотя безразличны, наверное, это слишком грубо. Но я действительно не обращал на них никакого внимания. Словно бы не желая, чтобы мне что-нибудь говорили. Так было потому, что я заранее и знал и предполагал что они мне скажут. Что им будет известно. И так могло быть еще и потому, что всех женщин, которые встречались на моем пути, я как-то инстинктивно недооценивал. Но недооценку совсем не следовало путать с безразличием. А тем более недовольством. Совсем даже нет. Что касается недовольства, так его не было и в помине. Ведь каждую встречающуюся мне женщину (как и вообще, наверное, каждого человека), я оценивал с позиции получения необходимого мне жизненного опыта. И соответственно, чем больше было одних, тем больше и другого. Между данными понятиями вообще достаточно явно просматривалась зависимость. И уже в соответствии с наблюдаемой проекцией одних по отношению к другим - создавалась некая геометрическая прогрессия. А вырисовывающаяся картинка явно свидетельствовала, что я был на верном пути (притом что сам путь иной раз еще не просматривался). И здесь напрашивалась какая-то подсознательная (интуитивно угадываемая) связь с философским восприятием действительности. Вообще, что касается философии, то сегодняшние мои обстоятельства (в которых я оказался) как бы уже заставляли говорить о философичности бытия. Ни больше, ни меньше. И тогда уже мое восприятие действительности становилось заметно именно с этих позиций. Когда нечто конкретное (о котором я думал что это так) на самом деле большей частью видится мне именно как не совсем тотчас же распознаваемое, не угадываемое. Не совсем угадываемое. Словно бы это существует не на самом деле, а лишь в какой-то предполагаемое проекции. А на самом деле есть лишь как нечто ирреальное. Незаметное. В действительности - незаметное. И тогда уже, если это действительно так, то совсем ничто как будто и не сможет помешать видеть мне окружающую меня действительность в другой плоскости. Словно этого не существует. Приоткрывая как бы уже само собой передо мной какие-то новые и удивительные перспективы. Перспективы того, что происходит. Что существует. Что просто обязано существовать. И совсем не прося чего-нибудь взамен.

Это было удивительное ощущение. Ощущение сопричастности к чему-то удивительному, быть может даже бесконечному. Словно без существования этого ничто невозможно. И мы не будем так-то уж долго останавливаться на этом хотя бы потому, что это столь редкое и удивительное качество существования реальности, что о нем не хочется говорить. Его надо прочувствовать самому. Условность... Вся моя жизнь состояла из этих самых условностей. Я не решался с точностью сказать о чем-либо, потому что заранее предполагал нечто большее, чем могло быть в реальности. Чем могло вообще существовать. Потому что всегда существовали некие шаги к отступлению, благодаря существованию которых я понимал, что ту или иную ситуацию

просто не следует воспринимать лишь с одной какой-то плоскости ее восприятия. И всегда предполагается нечто большее, чем есть на самом деле. И уже именно это мое понимание видимо и не позволяло мне выносить какие-то отдельные категоричные суждения. Да я и вообще стремился отойти (всячески отойти) от какой-либо категоричности. Наперед зная, что действительность намного значительнее и обширнее, чем самое распрекрасное воображение. Разве что я еще оставлял какие-то возможности к воображению больному. Ибо мозги, пораженные dementia praecox наверняка могут преподнести еще совсем даже и не такое. И никто тогда уже в действительности и не способен предположить, что получится в этом случае. Потому что наверняка перед нами предстанет что-то загадочное. Как минимум загадочное. А то и скорее всего - совсем нереальное. Но уже как бы само собой разумеющимся будет то, что нереальным оно является исключительно потому, что это непонятно индивиду с какими-нибудь пусть даже распрекрасными, но обычными (относительно здоровыми я бы сказал) мозгами. И в этом случае какая--никакая обыденность будет оставаться именно такой же. Ни больше и ни меньше. А сила нашего воображения на самом деле способна творить и не такие чудеса. Чудеса быть может даже неподвластные нам. Чудеса, которые на самом деле не будут такими уж чудесами. Потому что чего-то иного невозможно. Не дано. Даже, наверное, действительно не дано.

.....

С каждым разом я все больше запутывался. Вскоре меня перестали радовать былые победы. Они стали казаться маленькими и незначительными. Иногда даже приходилось сомневаться в достоверности их. И что-то гнусное, что сидело глубоко внутри и не поднималось выше, чтобы я это мог изловить и уничтожить, рисовало мне совсем невыносимую и ужасную картину. После чего мне уже совсем не хотелось жить. И я боролся с искушением прекратить подобные страдания. Нарушить единую цепочку навалившихся на меня проклятий. И не дать им больше воплощаться в реальность, окружавшую меня. Реальность и действительность, в которой мне не было места. Где я сам себе казался чужим и не нужным. И совсем неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы я вновь (как обычно при возникновении таких ситуаций) не убедил себя, что половины из того, что я себе накрутил, попросту нет. А другая половина тоже не имеет права на существование. Потому что была искажена. Попросту искажена. Искажена точно также, как и любое мое восприятие действительности. Потому что не было в этом восприятии ничего правильного. Все, быть может, и могло существовать, но с долей таких условностей, которые становились возможными лишь при взаимном существовании еще ряда факторов. И в итоге я почти удовлетворенно начинал склоняться к мысли, что это все как минимум бред. А как максимум - нечто выдуманное. Рожденное иллюзией существования разума. Того, что может быть, на самом деле и не существовало никогда. Но что наверняка - имеет определенную основу и право на существование. И я уже волей-неволей, но

должен был цепляться за это мое, пусть и несколько искаженное, представление о действительности. Но ведь иного выхода почти не существовало. Потому что я надеялся, что смогу разобраться в закономерностях существования моей жизни. Чтобы впредь не возникало никаких критических ситуаций. И главным было - понять механизмы зарождения в человеке тех или иных мыслей. Разобраться, возможно ли последовательное воздействие на появление их. Не будет ли так, что мы уже как будто и думаем что все у нас получается, а на самом деле это совсем еще ничего и не значит. И могу заметить, что где-то так все, наверное, и представлялось мне. Пусть в течение многих лет это еще складывалось в какую-то цепочку умозаключений. Притом что до сих пор еще до конца и не сформировалось окончательно. Но это и нормально. Потому что как будто остается разбег для дальнейших умозаключений. И ведь действительно, неизвестно какие родятся у меня выводы в отношении всей этой сумрачной действительности. Хотя и могу заметить, что я иной раз словно намеренно запускал пониженные обороты. Стремясь предупредить все то зло, которое наверняка должно было обрушиться на меня, дай я волю всему, что меня окружало. А так... А так я быть может еще и удивлялся, что удалось более-менее легко отделаться.

Мне почему-то казалось, что надежда все-таки была. Без существования этой надежды я бы, наверное, не смог жить. И я должен быть просто уверен, что что-то существует такое, без чего я действительно жить не смогу. Хотя бы потому, что оно уже есть. И без осознания наличия этого в себе, - все мне покажется грубым, странным, и до боли безысходности неинтересным. И что точно и наверняка, все мои попытки на самом деле (в дальнейшем) могут свестись к нулю. Да я был даже уверен, что их и не существовало вовсе. И уже потому, что я так считал, был уверен, что не ошибаюсь. Мне вообще нельзя было ошибаться. Так почему-то считал я всегда. И всякий раз находились какие-то причины, о существовании которых я не знал. Но так оказывалось, что все эти причины худо-бедно поддерживали меня, не давая до конца скатиться в пропасть, и словно удерживая на весу в самый последний миг. А значит и тому, что в душе моей продолжала теплиться надежда, я был обязан именно этому. И что уж точно - ничему другому. Да и чего-то другого я даже не предполагал. И все обстояло так, словно бы этого и не было. Не было совсем. Да и было ли?

Глава 13

Мне хотелось что-нибудь изменить в моем восприятии действительности. И пусть поначалу реальность расходилась с какими-то моими лучшими пожеланиями. Ведь я знал, что ситуация на самом деле продлится недолго. И уже вскоре, в то, что все действительно изменится, я верил самой отчаянной верой. При этом даже не сомневаясь, что все будет именно так, как я задумал.

Задумал однажды. Вообще же я могу заметить, что в том, что происходило со мной после - причины следует искать именно в юности. Именно тогда укреплялась вся та мотивационная составляющая последующих поступков. А если что-то рассматривать еще подробнее, то мы так или иначе приходим к детству, попадаем в детство. Когда, собственно, все и зарождалось. От детства, конечно же, было совсем никуда не скрыться. И я уже думаю, что может и не надо скрываться. Потому как -- ведь всегда все хочется понять. И если это не слова, а действительно настоящее желание, то могу сказать, что мы должны пытаться предпринимать анализ того, что и как происходило с нами в детстве. Ведь именно там и только там еще можно было повернуть что-то в обратную сторону. Но вот только до сих пор остается проблемой, почему это не удавалось нам тогда. Не удалось осознать то, из чего после начнут складываться наши поступки. Поступки в нашей уже взрослой жизни.

.....

Если честно, я немного опасался погружаться в детство. И не потому, что там было плохо, или я боялся обнаружить что-то не то. Скорее наоборот - я отчего-то боялся пожелать там остаться. Ведь, по сути, детство это до сих пор самое счастливое время, которое у меня было. И я уверен, что оно уже никогда не повторится.

.....

Я отметал все попытки навязать мне мнение о том, что это глупость. Нисколько я в это не верил. Так же как и не желал по-настоящему слушать. Словно бы предполагая, что просто обязана существовать другая жизнь. И я верил, что это действительно когда-нибудь будет так. И к этой другой жизни я себя, получается, готовил. Да вот видимо все же не успел. Должен был признать, что не успел. Потому что пройдет совсем незначительное время, и все закончится.

Однако мне почему-то казалось, что стоит дать себе какую поблажку, и пока только начинавшаяся симптоматика болезни разовьется в самую настоящую болезнь. Ту, от которой не будет уже такого (как пока еще сейчас) ясного излечения; а значит в последующем ожидает лишь ухудшение состояния. Состояния, которое я неким таинственным образом уже боялся как-то охарактеризовать. Скорее всего – в этом повинен какой-то внутренний страх. Да тотемная тревога, что, при произнесении начинавшихся симптомов в слух, мне грозит еще большее ухудшение состояния. Моего внутреннего состояния, которое и так было столь безрадостным, что я уже иной раз подумывал о добровольных способах ухода.

.....

Сейчас я думаю, что в полной мере я никогда не отдавал отчет в том, что происходит. Это было уже и по упомянутой причине боязни какого-либо озвучания проблемы, так и вследствие наличия внутреннего неверия в то, что ожидаемый результат будет значительно выгоднее нынешнего. Но уже как бы то ни было, мне нисколько не хотелось чтобы что-то уж слишком кардинально менялось. В какой-то мере предлагаемую ситуацию следовало рассматривать с позиции допустимого и вполне оправданного наказания. То есть некоего наказания за множество, большей частью абстрактных, дел и таких же помыслов. И уже тогда я не должен был по-настоящему на что-то роптать. Все оказывалось вполне закономерным. А значит – не только оправданным, но и, - что покажется странным, - принимаемым мной. Принимаемым иной раз настолько, что я почти считал излишним делать какие-то попытки для предотвращения как наступления схожей ситуации, так и вообще каких бы то ни было в дальнейшем следствий всего этого.

Мне надо было смириться. И я, в общем-то, был к этому готов. А что до самого беспокойства... Я как-то научился жить вместе с ним. Принимая как еще одну закономерную неприятность, являющуюся следствием самой жизни. Желания жить. Ведь за все надо платить...

Глава 14

Тема выживания поистине одно время вышла на первый план, способствуя попыткам попытаться разобраться – на самом ли деле мне необходима жизнь? И вот что удивительно – этот вопрос ни насколько не казался мне праздным. В нем не было ничего от этого. И тогда уже, если хотите, это была в некотором роде необходимость. Необходимость отыскать доводы, которые смогли бы убедить меня не предпринимать никаких шагов к прекращению своего существования.

На каком-то этапе моей жизни это мне представилось актуальным. Ибо, по всей видимости, тому способствовало начало так и не прекратившихся в последующем появления симптомов, от которых я вполне оправданно и закономерно искал избавления. То, что мне этого не удалось, как ни странно свидетельствует, что желание не успело должным образом развиваться. Почти совсем даже нет (иной раз подобное желание уже как вроде бы и толкало меня к непосредственному осуществлению замысла, но как водится, что-то мешало). И то, что ни одна из уже как вроде бы разрабатываемых попыток не привела к намеченной цели – должно быть свидетельствовало лишь о том, что я ни в состоянии был реально воплотить задуманное в реальное. Все время передо мной возникали какие-то сложные схемы претворения замысла, и почти все они изначально были обречены на провал. Потому как, если бы я только согласился признать это раньше, я нисколько не

способен к осуществлению какого физического труда. И вот ведь незадача. Если мне и раньше казалось также, то я это большей частью считал, если можно так выразиться, некой прихотью. Что почти означало, если на то потребуются, могу от этой прихоти избавиться.

Я ошибался. Неспособность претворения в реальность своих замыслов (большей частью базирующихся в голове, а не на бумаге) оказалось действительно существующей. Причем, моей было поистине ошибкой то, что я смог признать подобное существование дел - лишь только потом, сменив уже не один десяток лет после событий юности. Но тогда уже загадка – что было бы в ином случае. Неужели что-то могло измениться?

Итак, я почти отказался от претворения в жизнь своего желания. Хотя, стоит заметить, я в какой-то мере до сих пор считаю, что если судить по совести, то остановить свой путь требовалось уже давно. Однако, сколько из нас живет действительно по совести. Ведь в какой-то мере это означало неременнейшее стремление к каким-нибудь суицидным моментам. Ибо терпеть, обманывая себя и других, приспособливаться – все это неременная плата за жизнь. Жизнь, которая иной раз совсем не требует от нас каких-то обязательств. Но уже почти неременно – это все ложные позиции. Но если и даже попытаться допустить так – то взамен эта самая жизнь толкает нас в бездну преступлений против себя, своего здоровья, вынуждая не только выискивать (заранее принимая его) компромисс, но и всяческим необратимым образом требуя (и тоже принимая) оправданную (для нее, но не для нас) жертву. И вот в этой жертвенности как раз и заключены десятки (а у кого и сотни, и тысячи) возникающих жертв. И каждый должен периодически выступать в роли агнца на заклание – чтобы только искупить вину и оправдать возможность продолжения жизни. Те же, для кого это оказывается не под силу – обрекают себя почти на еще большее страдание. Ибо узки ворота в рай. И не каждый войдет в них. А лишь только избранные. Те, которые тоже, что-то дали взамен.

Глава 15

Наверное покажется удивительным, но я в какой-то мере испытываю огромное чувство вины за то, что не вел себя в детстве как-то иначе. Вполне можно даже сказать, что именно с позиции прожитых лет (пройденного времени) я с удивлением нахожу, что почти все надо было делать по-другому. Вот ведь... память... Быть может и не было бы сейчас причин для тревоги (или она выражалась бы совсем в ином), если бы только я не помнил всего того, что вспомнить – пришлось.

.....

Почти нисколько не хочется совсем погружаться в детские воспоминания. Как бы то ни было, но права на анализ их я, наверное, не имею. Уже хотя бы потому, что, во-первых, был достаточно мал (а сейчас я говорю где-то о первых десяти годах жизни); а во-вторых – и того, что произошло позже – достаточно, чтобы иной раз бить настоящую тревогу. Тревогу за все то свинство, что таилось в моей душе. И что у меня с такой настойчивостью вырывалось наружу. Вернее – то, что пропускал я. Пропускал через свою цензуру психики. Ту, что уже позже – совсем не допускала подобных оплошностей.

.....

Мог ли я рассчитывать на что-нибудь другое? Надеялся ли, что все быть может исчезнет как-то само собой? Наверное – нет. Ну, или – почти нет. По крайней мере – я всячески и стремился и был заинтересован, чтобы ничего такого больше не случилось. Но и всего того, что уже было – вполне хватало, чтобы испытывать сейчас самое глубокое раскаяние. Раскаяние как в уже свершенных поступках, так и тех, что мне тогда еще только требовалось совершить.

Иными словами, я был весь как на ладони. У самого себя. И именно перед самим собой, перед этим достаточно призрачным (но существующим) судом присяжных – я в полной мере испытывал то чувство вины, которое приводило меня к раскаянию. И к осознанию того, что почти вся прошлая жизнь состояла из одних лишь ошибок. Ошибок, которые не так-то просто исправить. А уже – и вовсе невозможно.

.....

Мне кажется, что когда я сойду с ума, то попаду в тот рай детства, образ которого все чаще вынуждает погружаться в свои воспоминания. А иной раз, все выходит как-то само собой. И случайно услышанная музыка, какой-нибудь пойманный запах, внезапно вставшее перед глазами иллюзорное видение – возвращает меня в детство. Ну или даже лет на десять, пятнадцать, двадцать назад... Когда еще все было хорошо. Слишком хорошо. Замечательно... Но каким-то образом почему-то неосознавалось мной в тот период.

Действительно, почему? Почему я всячески стремился в то время от него откеститься, сбежать, как будто в будущем (то есть выходит – сейчас) мне все виделось в значительно розовых – а значит и желанных цветах. Но понять, что я ошибаюсь – оказалось возможным через то количество лет, через которое я хотел тогда перепрыгнуть. Какой же это было ошибкой! Отчего я должен был так ошибаться? Ошибаться настолько, что своим стремлением к неизвестному обижал тех людей, которые волей природы находились рядом. Но почему никто из них не объяснил мне, что поначалу будущее кажется намного желаннее чем настоящее. А потом мы раскаиваемся в этом. И стремимся погрузиться в прошлое. Именно прошлое было тем Рубиконом, что разделяло счастье

от последующих страданий. Именно в прошлое я желал теперь вернуться. Желал, казалось, больше всего на свете. И мне совсем было неинтересно, что будет в будущем. Да мне быть может совсем не хотелось этого будущего. И было безразлично, ожидает ли там меня что-то хорошее. Я в это не верил. Не верил совсем. И даже если бы кто попытался меня переубедить в моем заблуждении – я не стал бы слушать того человека. Ведь для себя я уже сделал выводы. И уяснил одно: я сделал столько ошибок, что попросту недостоин желать, чтобы мне было хорошо. Чтобы стало лучше. Я должен принять страдания. Те страдания, которые причиняло мне мое настоящее. Это было своего рода искуплением. Искуплением за собственное поведение. Искупление за то, что именно из-за меня близкие люди вынуждены были все время находиться на верху кратера вулкана. Вулкана, готовящегося извергнуть свою лаву, сродни которой были мои поступки. Бесчеловечные, по сути.

Однако, сколько бы я ни пытался заниматься собственными самообвинениями, все это вряд ли на самом деле меня приближало к той цели, которая хоть как-то сформировалась в собственном понимании. Понимании собственной психики. И за стремлением выявить нечто такое, что способно было, выплыв из бессознательного, привести к каким-то ожидаемым результатам – угадывалось ожидание какой-то безысходности. Быть может той крайней точки, за которой уже было почти абсолютное безразличие. Но безразличие к чему? К собственному будущему? Или нежелание расстаться с прошлым?

С недавних пор для меня это оказалось загадкой. Той загадкой, которая, как мне казалось, и не требовала каких-то доказательств. Точнее – нисколько не стремилась к ним. Что до меня, то порой становилось грустно, что я до сих пор не смог добиться того, чтобы мои прежние состояния (все те страхи, тревожности, беспокойства) не возвращались. Можно даже сказать, что я неким таинственным образом стремился от них избавиться. Избавиться, например, посредством своего творчества. Сублимировав на бумагу весь тот ужас, который скрывался внутри. В подсознании. И уже тогда – желание и этих, в том числе записей – не иначе как стремление избавиться от всего этого.

И еще. Сейчас я уже начинаю задумываться, насколько оправданно то, о чем я сейчас пишу. Насколько допустимо. Насколько я имею право. Хотя – а есть ли у меня иной выход? Ведь это чуть ли не единственная попытка разобраться, попытка разобраться в самом себе. Во всем том кошмаре, который все больше и больше намеревается просочиться сквозь разомлевшую душу и затуманенное сознание. Быть может даже уже поздно. И ничего нельзя поделать. А может – у меня еще есть возможность что-либо выправить. Ну, или хотя бы попытаться это сделать. По крайней мере, должно быть именно этим объясняется мое начало подобных записей. Тех записей, благодаря которым мне удастся запечатлеть собственные мысли. Мысли человека, работающего в данном случае, в одном ключе. В некоем симбиотическом единстве анализа и воспоминаний. И насколько

мне это удастся, будет зависеть собственное исцеление. А значит писать – уже другие книги. По содержанию. И по разрешению наметившихся вопросов.

.....

Хаотичность некоторых записей, разумеется, связана лишь со сложностями воспоминаний. Разные образы, которых появляются, зачастую, независимо ни от чего, иной раз напоминая бессвязную цепочку каких-то предполагаемых полу-фактов. Но я искренне стремлюсь разобраться с тем, что происходит со мной. С моим душевным состоянием. Причем мне совсем не хочется проявлять излишнюю тревогу. Но и пустить дело на самотек – я тоже не могу. Да и не хочу.

Я почти не знаю, о чем писать. У меня внутри – самым невероятнейшим образом растет сопротивление. Внутреннее, душевное сопротивление – против каких бы то ни было воспоминаний.

Внезапно захотелось все оставить так как есть. Ничего не меняя. Но я уже знал – что это путь в никуда. Поэтому – попытаюсь продолжать и дальше. Но насколько мне это удастся.

Глава 16

Вряд ли я когда собирался становиться тем, кем стал. Причем, верно это во всех отношениях. И в профессиональных, и в личных – не прими я каких срочных меры получился бы из меня откровенный слабак и пьяница, и даже в тех образах, которые я с неизменным, как мне казалось, успехом пропускал через свое подсознание. Ну и сознание в том числе. Ведь может показаться забавным, но та маска, которую мы иногда надеваем на себя (а кое-кто ее бывает и не снимает, периодически заменяя другой) практически непременно зависит от нашего внутреннего состояния. А также от того содержания бессознательного нашей психики, кое, в конечном итоге, может заметно различаться даже у двух, до того казавшихся одинаковыми, людей. И если не совсем вдаваться в содержание (и, главным образом, формирование) бессознательного – то помимо так называемого опыта предшествующих поколений, опыта предков, коллективного бессознательного, или, если угодно, генетической памяти – наше подсознание формируется той информацией, которая была нами когда-то прочитана, увидена, услышана... И здесь нет никаких противоречий. Никакая информация не может быть потеряна. Даже если мы ее, как нам кажется, забыли. Мозг представляет собой самое надежное хранилище. Единственно – иногда теряются ключи...

.....

Итак, мне требовалось разобраться, что же со мной происходит. Причем, вопрос становится более-менее актуальным – с неким заходом на будущее. То есть - что ждет меня в этом самом будущем?

Должно быть понятно, что меня нисколько не интересует конкретика: что будет. Я всегда скептически относился к различного рода гаданиям, прорицаниям, предсказаниям... Мне всегда казалось, что это больше свойственно малообразованным людям. Или бывшим интеллектуалам, которые в силу ряда причин и жизненных обстоятельств утрачивают былые способности к проявлению разумности. Притом что и сама разумность достается не всем.

Но уже как бы то ни было, меня интересовал только один вопрос: буду ли я в своем будущем обладать тем же интеллектуальным потенциалом что и сейчас? (не говоря о том, что хотелось бы лучше). И причины для беспокойства действительно были. Причем к ним можно подобраться с разных сторон. Ну, например, жуткие явления психосоматического характера (на которые раньше я как будто не обращал внимания). Или – все чаще проявляющиеся случаи неврастения. А то и – психопатологии. На всех позициях пока была явно замечена лишь пограничная стадия симптоматики (намечавшегося) заболевания. Но насколько я был способен не пропустить развитие болезни дальше? Тем более что в отдельных случаях она явно того желала. И моя задача заключалась в том, чтобы сдерживать этот натиск. Этот ураган разрушавшихся иллюзий. Ведь на кону стояло мое будущее. Которого у меня могло и не быть.

И уже как бы то ни было, я нахожу, что именно своим порой чрезмерным (я всегда был увлеченный человек) погружением в измененные состояния сознания – я был обязан появлению (быть может справедливее сказать – развитию) той агрессивности, которой я с недавних пор стремился избежать. Она для меня даже была что-то типа необходимости. То есть опять же – возможности выжить. Возможности когда надо – показать свой оскал. Необходимый для отпугивания не в меру зарвавшихся сограждан. И самое обидное, что неким хамоватым да развязным образом позволяли себя вести люди, которые считались моими знакомыми. А то и приятелями да друзьями.

.....

Вероятно, в какой-то мере я мог сам провоцировать их на это. Трудно не поддаваться соблазну (если внутренне вы сами испытываете дискомфорт) влезть на плечи, а еще лучше на голову, этакому рафинированному интеллигенту. Попытаться затуркать и так, на ваш взгляд, затурканного человека.

И ведь все это вполне было свойственно человеку. Как и животному. Показать власть, авторитет, подняться выше соплеменника, продемонстрировать его зависимость от вас,

почувствовать, вкусить плоды архаичного существования, ощутить свою связь с первобытным предком. Ведь, по сути, в психике современного человека ничего и не изменилось. Все те же стремления доминировать. И, вероятно, чем человек менее культурен – тем более у него проявляется зависимость от выплеска своих подсознательных желаний наружу. Он не хочет – да и не может – их сдерживать. Ему кажется, что это и вовсе не надо делать. Нужно показать другим кто ты есть на самом деле. Показать свою значимость. Продемонстрировать свое влияние. И уже тогда, когда придет признание сего факта другими, можно испытать что-то типа торжествования. Счастливого торжествования достижения неких собственных стремлений. Быть может даже обозначенных для себя идеалов. И, самое главное, удовлетворение неких собственных позывов.

Глава 17

Если задержать еще на моей жизни в том, другом измерении, то вероятно все было проникнуто каким-то иным восприятием жизни. И если я поначалу ждал каких-то изменений, то потом уже вроде как и свыкся с существующим положением дел. Как вроде и не пытаюсь что-либо изменить.

И ведь нельзя было сказать, что меня так-то уж все устраивало. В моей душе назревал очередной конфликт. И заключался он, конечно же, в попытке высвобождения. Высвобождения сознания от хаоса, воцарившегося с тех пор, когда я дал волю бессознательному. Допустил первичность его влияния. Совсем не заботясь, что все это может привести к достаточно печальным последствиям.

И я начал сопротивляться. Поначалу я действительно начал сопротивляться. И мое психическое состояние вновь стало готовить внутренний протест, который мог завести меня, в принципе, неизвестно куда. Значит я должен был искать какой-то другой выход. Выход, быть может и не связанный с сотрудничеством с реальностью. Но когда это оказалось действительно возможно – я ощутил нечто вроде внутреннего содрогания. Достаточно неприятного ощущения, природа которых заключалась во все том же нараставшем противоречии между сознанием и подсознанием, бессознательным, в коем скрывались порой такие фантастические деструктивные желания, что только диву даешься....

Глава 18

Порой мне не хотелось, чтобы время замедляло свой ход. Должно быть наоборот. Пусть мелькает все в суматошном беге. В неподвластном желании и неразличимом нашему восприятию. И тогда откуда-то появлялся совсем как будто справедливый вопрос. А вскоре и сам убеждался. Сначала сознанием. А после,- уже сопротивлявшимся сознанием.

Но то было лишь до поры. Я просто обязан был принимать все как есть. Как это было. А что до тени сожаления? Так вроде как возникала она. Но как-то неуверенно и неохотно. Словно сама сомневалась в своем собственном поведении. После чего уходила почти без тревог и волнений. Словно было так должно. Предрешено. А то и – уготовано.

Но кем? Я задавал себе вопрос. И не находил ответа. Но оттого желание разгадки лишь еще больше мобилизовало меня. И я уже почти не сдерживал себя в желании и в стремлении приблизиться к истине.

.....

В последние годы я жил с ощущением вины. Само это чувство как будто еще и не до конца способно было заполнить мое сознание. Что-то еще могло противиться ему. Но все же, в глубине, в самых потаенных уголках души, я понимал: будет так продолжаться не долго. И в итоге мне придется смириться.

Но я догадывался: как только наступит это - почти тогда же все закончится. Потому как – не буду я в состоянии до конца правильно оценивать информацию. И наступит лишь иллюзорная неразличимость, расплывчатость. А за ней – пустота. Та пустота, которую мы если и способны когда бояться – то только образно. Как бы понарошку. Но когда действительно наступает она – мы уже не способны к реальному восприятию адекватной действительности.

Глава 19

Самое печальное для человека одиночество. Так считал я, и всеми силами стремился избежать подобного. Замену одиночеству я искал в сожительстве с кем-либо. Совершая тем самым ошибку. Не самим сожительством, нет. Ошибка была масштабнее: одиночество не являлось не переменным злом. Одиночество как бы не зло априори, вот в чем дело. И необходимо во чтобы то ни стало, прежде чем оценивать пользу или вред одиночество, отвечая на вопрос зло это или благо – помнить, что все исключительно индивидуально в каждом конкретном случае. Вот в чем вопрос. Есть люди, которые не могут быть одними уже по факту. Им необходимо общение, их выбор профессии зачастую продиктован соответствующей чертой характера, и вообще все, что окружает

таких людей, складывается соответствующим образом; и потому таковым людям находиться в одиночестве может даже и противопоказано, да и не смогут они.

Иное дело люди-мыслители, которые, даже находясь среди толпы, все равно пребывают одни, ибо заняты исключительно своими мыслями по поводу ситуаций как прошлого, так и настоящего. И как раз таковым людям одиночество вполне необходимо, ибо если вдруг они ошибочно решат, что одни быть не могут – то всякое стремление к обществу будет, во-первых, сводиться к нахождению с ними не всего общества как такового, а лишь отдельных представителей его в лице индивида соответствующего пола – если речь о мужчине, с ним будет женщина, если о женщине – мужчина, а во-вторых, пребывание рядом с ними кого-то другого будет в итоге тяготить таких людей, ибо уклад души-то у них все-таки одинокий; а значит и должны они быть одни, и именно это для них наиболее правильное решение, потому как все равно с кем-то они быть не смогут, а значит, если предположить у таких людей еще и свойственную им решительность да настойчивость – то мы будем иметь дело с многочисленными браками, по сути неудавшимися, ибо равно или поздно одиночество выиграет вверх, и такие люди будут расставаться с теми с кем жили, а после ошибочно полагать, что не могут быть одни, находить новых спутников или спутниц, и значит все вновь будет повторяться. И это печально. Но и как бы это ни было печально – иначе попросту невозможно. Вот ведь в чем суть.

Что можно посоветовать? Исходя из того, что к последним из перечисленных принадлежал и я, посоветовать нам нужно было одно: не считать одиночество непременно злом. Да, хотелось бы по-другому. Да, хотелось бы иначе. Да, многое хотелось бы, также как хотелось бы и счастья и радости в жизни, но и счастье и радость в итоге приводят к тяжелейшим страданиям. А исходя из того, что наша жизнь и так сама по себе страдание, так может имеет место не отягощать таковые страдания еще и страданиями по надуманным причинам, ибо если перед вами клетка с хищником, не стоит искушать судьбу и даже проходить мимо этой клетки, а не то что открывать ее и заходить вовнутрь. Зверь он и есть зверь. Не искушайте, да не искушаемы будете. Пройдите мимо.

Одиночество? Так просто примите его, ибо это как раз то, что и необходимо вам. И необходимо действительно вам для безопасности вашей, для облегчения страданий ваших, и в конце концов, для избавления страданий. Вспомните, как должен вести себя человек, попавший в водоворот. Казалось бы, кругом вода, вас засасывает в водяную воронку, силы на исходе, воздух попадает вместе с брызгами ревущих волн, а надо сложить руки, вытянув их вверх, да и нырнуть поглубже; а уже под водой резко уйти влево или вправо и тем самым выйдете вы из воронки, а вынырнув - обретете жизнь. Или при болезни тяжелой, когда нарываят какой-то участок тела, нужно согласиться на операцию и вырезать заразу, чтобы после, через боль, обрести жизнь. И сталь ведь закаляется также. Не бывает ничего просто так, всегда трудности укрепляют характер человека, закаляют его, ибо в который уж раз повторю, что дается человеку всегда столько, сколько он может вынести и

никогда сверх того. А потому роптать и тем более возмущаться – совсем даже не нужно. А что нужно, так это использовать любое случившееся таким образом, чтобы извлечь урок, а значит получить в итоге прибыль. Только так, а не иначе, следует понимать все происходящее. Только так, а не иначе, следует относиться к тому, что вроде как сразу восприняли вы как горе. И как раз печаль, являющейся неременной спутницей такого горя, должны вы обратить в свою подругу, невесту и жену. Ибо именно печаль – ваша неременная спутница, которая не только выведет вас из рутины поражения, но и неминуемо приведет к успеху. Главное только на начальном этапе понимать все правильно, понимать все именно в том ключе, в котором непременно и необходимо это все понимать. Только так и никак иначе. Вот ведь в чем дело. И это важно помнить, этому необходимо верить, и это следует понимать.

А что касается одиночества? Так в свете вышеизложенного, уже получается и одиночество будет не совсем являться таковым уж злом. А даже и благом, к которому не только надо стремиться, но и кому-то еще следует заслужить. Ибо все показывает так, что полезно оно и необходимо. Вот ведь как.

Глава 20

Понял я, слишком поздно понял, но лучше поздно чем никогда, что надеяться во всем и во всех делах своих могу только на себя с верой в Бога. Ничто иначе невозможно. Люди, которые окружали меня – со временем отпали. И слава Богу хочется сказать, ибо любые трудности поистине даются нам чтобы сделать какое-то переосмысление в жизни. Я и сделал. И оказалось, что среди самых лучших остаются те, кого вы ни о чем не просили. Не искушали, получается. Ибо тогда, когда необходима помощь, человек проявляется более чем явно, и вы видите его сущность. Это всегда так. И потому мой совет всем – полагайтесь только на свои силы, а поддержку ищите у Бога, ибо человек слаб по природе своей. Неужто думаете вы, что если самого Иисуса Христа предал один из 12 самых близких учеников-друзей (Иуда), а после отрекся от него другой (Петр), и спрятались, чтобы их не постигла та же участь все остальные (10 апостолов), а те, которые ранее с восторгом слушали его речи - на казни кричали «Распять Его», то неужели думаете вы, что с вами ситуация произойдет иная? Впрочем, признаться, я тоже так думал. А вот нет. Жизнь все расставила на свои места и показала ошибочность подобного взгляда на эту самую жизнь. Взгляда ошибочного, ложного, неправильного. И потому еще и еще раз говорю вам: не верьте людям, ибо слаб по природе человек. И будет он с вами, пока ничто не угрожает жизни его. А как только будет такая угроза – откестится всеми путями своими от вас. Ибо слаб человек. Так лучше сразу не искушать человека, и не общаться с ним, дабы после не пришлось сетовать на предательство его,

когда придет время (не дай Бог!) обратиться за помощью его. Ибо еще горче будет от этого. Ибо одно дело, когда нет надежды, и вы сразу понимаете, что должны полагаться только на себя, и совсем иное дело – когда ощущаете предательство, узнав в последний момент об отказе от вас. «И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем». (Еккл.4:2-3).

Да, одному всегда тяжелее. Да, двоим легче, ибо «если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется». (Еккл.4:10-12). Но вот когда тот другой – предатель? Когда мир таков, что из двоих всегда кто-то один окажется предателем, ибо если думает кто-то что это не так – то это лишь до поры до времени, пока нет столь явного искушения, чтобы отказаться от другого в пользу себя. И, повторюсь, винить тут вроде как и нельзя никого, ибо природа человека такова. А те, которые не предают (как я, который сам умрет, но не выдаст), становятся изгоями в обществе, ибо считают их лохами, то есть добрыми доверчивыми людьми, оторванными от жизни; т.е. теми, которых можно и нужно при случае обмануть. Вот это страшно.

Но при этом если вы не меняетесь, если вы выбираете правду и не идете в угоду лжи и обмана, свойственного этому миру, то надеяться (и небезосновательно!) можете вы только на Бога. Так лучше оставайтесь такими! Это будет честнее. Честнее по отношению к себе. Честнее по отношению к другим. По всем категориям честнее. Не надо приспосабливаться к этому миру. Да, мир злой, лежит во зле, и дьявол правит миром через зло. Но все равно – тот же самый дьявол все равно слабее чем Бог, который создал этого бывшего доброго ангела, ставшим падшим в результате соблазнов этого мира. Поэтому рано или поздно – все равно правда восторжествует. Хотя и вы ее можете уже не увидеть. К сожалению. «Ибо сыны века сего догадливей сынов света в своем роде». (Лк.16:8) - где под сынами века сего понимаются те, кто ставит ставку на жизнь в миру и соответственное обогащение здесь и сейчас, а сыны света – те, кто думает о загробной жизни, а в миру (в быту) часто не устроены. И это тот парадокс жизни, который позволяет считать жизнь театром абсурда, когда «кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет». (Мк. 4:25).

Глава 21

Я более чем понимал, что сейчас несу расплату за собственные совершенные ошибки. Да, ошибки эти были в прошлом. Но ведь и будущее складывается из нашего прошлого. Не может быть у взрослого человека так все внезапно, случайно, и при анализе – не проследиваться никакая связь с былым. Нет, подобного невозможно. А значит в то время, когда вы что-то совершаете сейчас, помните что в будущем за это придет или расплата или благо. Иного не дано. Ничто на земле не проходит бесследно. Все не только предопределено судьбой, но и имеет четкие логические границы понимания бытия. А если кто-то не понимает (таковых, на мой взгляд, большинство), тогда им приходится просто удивляться, пытаюсь ответить на вопрос, почему все произошло именно так, а не иначе?

Но самое любопытное, что даже если кто-то понимает - все равно на сознательном уровне ничего сделать не может. Это как вождение автомобиля на сознательном уровне. Пока у вас не появится навыка бессознательного вождения, вы будете реагировать на тысячи обстоятельств, которые порой не имеют никакого отношения к дороге. А значит рано или поздно попадете в беду. Или во время рукопашной схватки. Пока вы не отключите свой мозг, дав волю отработанным приемам (помноженным на инстинкты), на каком-то этапе боя все равно пропустите опасный удар и проиграете. И это надо понимать. И проводить аналогию с жизнью. Пока у вас все не войдет, как говорится, в плоть и кровь, велика вероятность того, что жизнь ваша будет наткаться на ошибки прошлого и, в зависимости от тяжести оных, или буксовать на месте, или отбрасывать вас назад.

.....

Никого нельзя обвинять. Эта непреложная истина приходила ко мне постепенно, с годами открываясь при изучении Священного Писания. Только Господь может обвинять, но и он никого не обвиняет при жизни. А какое право тогда имеем мы? Мы, которые грешны настолько, что говорить об этом стыдно, и при этом наша житейская людская ошибка искать виноватых и обличать их. Забывая, что если нас прощает Господь все время нашей жизни, так почему мы не прощаем? Помните притчу о немилосердном должнике?

«Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз. Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить; тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был

ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, увидев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его». (Мф.18:21-35).

Так и с нами поступят по жизни те, кому должны мы (а каждый из нас должен Господу за прощение Его - наших грехов, ибо грешим ежедневно и помногу), если не станем прощать другим, ибо незыблемы Духовные Законы Бытия. А потому – «...прощайте, и прощены будете». (Лк.6:37). А если будет в душе вашей какое желание добиться справедливости, вспомните слова Апостола Павла: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». (Рим.12:19).

Глава 22

Должен признаться, что самое страшное, что неотступно меня преследовало в течение жизни, не давая возможности жить жизнью собственной, был страх и чувство вины. Причина и того и другого примерно была одна. Причем, замечу, что причиной не была боязнь одиночества как такового. Нет, мне нравилось быть одному, хоть и за всю мою жизнь это не удавалось, ибо всегда рядом был кто-то. Помните как у Сергея Довлатова, я хочу быть один – но рядом с кем-то. И мне катастрофически нужен был рядом хоть кто-нибудь. Но один. Два человека (когда я третий) уже было много. Мне нужен был еще один человек рядом со мной. Находиться совсем один я не мог. Свет должен быть постоянно включен, телевизор включен, двери во всех комнатах открыты, входная дверь закрыта на все замки (и еще хорошо перед сном припереть чем-нибудь), в кармане халата маленький пистолет (типа «Браунинга»), на кровати под подушкой еще один («ТТ»), в разных укромных частях квартиры спрятаны: два ножа, топор, лом, палка, и полуавтоматический пистолет 1951 года выпуска «Стечкин... В общем, мое пребывание дома было сродни безумию. И при этом непонятно кого я боялся, ибо одинаково отрицательно относился и к преступникам и к полиции (полицию, правда, я еще и опасался из-за их беспредела и коррупции, ведь как преступник может тебя убить, так и ты его можешь убить, а вот оборотень в погонах прикрыт законом и его беспредел покрывает продажная – или бездарная - государственная власть, которая содержит преступников у себя на службе).

.....

Я не мог быть один. Вернее, я мог, конечно. Это было бы не так страшно, если бы, скажем, я сразу был один. Ну или, как вариант, меня бы кто-то оставил одного, и я вынужденно пребываю в одиночестве, и что главное - не мучаюсь чувством вины что кто-то испытывает трудности из-за меня. Свобода! Это самое главное и основное что необходимо людям, и что мало кто понимает, и даже почти никто не понимает. Женщина и мужчина – до того разные существа, что психика у них различается порой самым диаметрально противоположным образом.

Вот исходя из такого понимания (откровение как благо - дается не каждому и не всегда, а лишь тогда, когда Бог поймет, что вы сможете правильно воспользоваться этим благом) я понял что мне и нужно строить жизнь. Притом что люди бывают разные. Кому-то необходимо вообще одиночество, а кто-то вполне счастлив единым браком на всю жизнь. У каждого человека свой отдельный и в чем-то индивидуальный характер. А бывает, что такая индивидуальность перехлестывает через край. Этот человек пробует изменить себя, загоняет себя в тупик, страдает и мучается от непонимания в этом мире со стороны других. А любые мучения – это душевная травма. Душевная травма может привести к психопатологии. А зачем мне собственная психопатология (т.е. патология собственной души), если по роду призвания я обязан заботиться об исцелении от психопатологии других. «Врач! исцели Самого Себя». (Лк.4:23).

Вот таким образом я и открыл то, что во все времена ценилось и считалось настоящей Истиной! Ведь истина – это гармония! Гармония души и тела самого человека. И такая гармония всегда намного значимее - если подтверждается такая гармония пониманием со стороны других людей. И если все складывается именно так - значит так надо и жить! И когда я стал жить так – все у меня сошлось в моей психике, как говорится, все пазлы стали на свои места, мне стало легко и комфортно. А значит и хотелось чтобы такая жизнь не заканчивалась никогда.

А самое главное что я понял, все, что происходило со мной в жизни, было не просто так. И все встречи, расставания, все было предопределено свыше. Когда было нужно – Господь подводил мне именно того человека, который мне был необходим на тот конкретный период жизни. Когда заканчивался тот этап – появлялся другой человек. Только сейчас, окидывая взглядом прошедшее время, я могу заметить, что от каждого я получал рост в этой жизни. Всегда мне давал тот или иной человек то недостающее, чего на тот период у меня не было. И это очень важно понимать, и я искренне благодарен Богу, что он сейчас открыл мне такое видение ситуации, чтобы я это понимал. Ведь самое важное в жизни для человека, стремящегося все время идти вперед, это понимание происходящей ситуации. Горе жить в неведении. И я вот только сейчас понял. Но и об этом могу сказать, что видимо, дай мне Господь такое понимание раньше – не понял бы я ничего. Не сделал бы надлежащие выводы. Не смог бы правильно распорядиться полученным даром благодати. Как

уже и бывало со мной раньше, когда я бездумно тратил то, что мне досталось даром, а я к этому был духовно еще не готов. Помните слова Ницше – каждому дано столько испытаний, сколько он может выдержать. И именно такие испытания закаляют характер. Тогда как у тех, кто получил все готовое, характер ранимый, изменчивый, и сам такой человек тщедушный, ибо приходится ему жить на всем готовом. Нет возможности закалить себя. А ведь и железо становится сначала чугуном (после выплавки в доменных печах), а только потом сталью (после закалки в мартеновских печах). И чемпион получается только после того, как простой парнишка с утра до вечера отдает себя тренировкам, растет в спортивном мастерстве, выигрывает последовательно все чемпионаты меньшего формата и только потом получает право выступать на самом значимом в жизни турнире. Выступить, но не выиграть. Чтобы выиграть – нужно обязательное соблюдение всех перечисленных условий закалки тела и духа путем постоянного преодоления препятствий. Иного не дано. И так же в любви. Вы должны пройти все трудности этой жизни, вы должны на каждом этапе своей жизни брать от тех, кто рядом с вами, то, что необходимо вам на том или ином жизненном этапе, ибо если дай вам сразу все – не справитесь, случится беда, а то и будете отброшены далеко назад. А так – постепенно. Все должно быть постепенно, всегда должен соблюдаться принцип повышения нагрузок, закрепления результатов, нового повышения нагрузок и т.д. Иначе никак. Люди делятся на тех, которые женятся сразу и на всю жизнь, и на тех, которые меняют жен или мужей и все время идут к своей цели. Цели в большинстве своем даже не видимой окружающим. Но это и хорошо. Но это и нормально. Но это и правильно. И иначе никак невозможно. Каждый человек должен пройти определенный этап в своей жизни, который закалит его.

Надо уметь прощать и не сожалеть о прошлом. Я перед всеми прошу прощения и хочу сказать, что так надо было, чтобы я поступил именно так, ибо ни о чем я не жалею, потому что грешно жалеть о промысле Божиим. Ведь все, что мы делаем в жизни, происходит с нами не просто так, а потому что Господь Бог позволяет, чтобы так все происходило. И незримо для нас – Бог ведет каждого из нас по этой жизни. Поэтому не надо сожалеть о прошлом. Поэтому не надо думать о будущем. Мы ничего не можем сделать в этой жизни, если Господь Бог нам не позволит этого, ибо на все Его Святая воля. Нам надо жить настоящим, в режиме здесь и сейчас. Иного не дано. Потому что так будет не только спокойнее, но и сама жизнь будет продолжаться. Да будет так.

Надо уметь прощать. В свое время апостол Павел (основатель института Папы Римского) был гонителем первых христиан, которых убивал и резал, о чем говорил сам в Священном Писании. (1Кор.15:9; Галл.1:13,23; Фил.3:6.) Но после своей встречи с Христом – стал самым ревностным проповедником христианства. Новый Завет почти на 2/3 состоит из книг апостола Павла. Так почему, если Бог простил Павла, люди не могут простить нас за какие-то проступки в отношении них? Быть может потому, что люди слабы? Но Павел ведь был тоже человек... Как и Христос...

Прощайте друг другу. Если человек кается – поверьте ему. И простите. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф.6:14-15). «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк.6:37). Впрочем, я ведь всех простил давно. Жаль что не все наши близкие прощают нас, когда мы к ним хотим вернуться для жизни с ними... Для счастливой жизни...И верят при этом друзьям и подругам и родственникам, которые настроены против, потому что... Да бог им всем судьям... «Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». (Мф.5:44).

Глава 23

На самом деле все и правда не так хорошо, как кажется внешне. Судьба удивительным образом или проводит свои злые опыты да псевдо- эксперименты, или мстит за ошибки, совершенные в прошлом. Хочется сказать Загадка, но видимо все так или иначе обоснованно и правильно. Вопрос только в том, что мне совсем не нужна эта «правильность», потому что так хочется жить.

Когда-то моя любимая цитата из Довлатова «Я хочу быть один, но рядом с кем-то», в последнее время вдруг потеряла свою актуальность лично для меня. Так вышло, что все-таки один я жить не привык. Ведь, так или иначе, но наши привычки складываются из совершаемых ранее поступков. И если вы привыкли жить определенной жизнью, то уж точно к сорока годам не можете жить другой жизнью. А я привык, что рядом со мной все время находился человек, который обо мне заботится. И о котором пытался заботиться я. При этом самым непонятным образом я все время искал что-то лучшее. Зачем? Мой образ мыслей сыграл в моей жизни свою роль. Желание все время что-то усовершенствовать приводило к тому, что я терял тех, кто в меня верил. Но вот и быть с кем попало - не могу. В итоге вечный вопрос «Что делать»? и философские поиски себя. Но в том-то и дело, что себя я давно нашел. И как раз зная себя лучше, чем может кто-то предположить, я понимаю, что фактически обречен на то, что поиски могут погрузиться в бесконечность. Хотя, что значит поиски. Поиски - это когда ищешь. Но это было бы слишком просто и неправильно в моем случае. Потому что я слишком хорошо знаю, что нужно лично мне. А потому, если специально искать, не найдешь то что надо, а попадешь в очередное туманное безумие. И все эти знания приводят к трезвому взгляду на жизнь, и осознанию, что то, что действительно тебе необходимо, никогда не встретится. А если повстречалось, не будет с тобой. Но ведь так хочется! Загадка.

.....

Что такое ошибки? Вы когда что-то совершаете, обязательно найдется кто-то, кто посчитает происходящее ошибкой. При этом также найдется кто-то другой, кто оценит и поймет это. Так может мы и правда делаем не на тех ставки? Загадка...

Человек вообще состоит из загадок. Но человек – существо наделенное разумом, который направляет его на вечные поиски смысла жизни. Человек ищущий, человек ищущий что-то, ищущий себя, человек, который настроен отыскать и понять эту философичность бытия. И вот когда он действительно найдет, тогда для него будет самый настоящий праздник. И случится чудо. Странно, но я все еще верю в чудеса. Сколько не была жизнь, в глубине души все равно живет эта вера в справедливость. А значит вера в сказку. Вера, вера...

Там где вера всегда есть любовь. Но вот есть ли она? Нужна ли она? Сможет ли она рассеять то страдальческое безумие, в которое погружает жизнь? А может стоит бросить все и начать сначала? Над этим сейчас и размышляю. Но вот что будут делать те, кто недопонял, недолюбил, не дождался. Останутся ли они в прошлом, и самое главное, будет ли у них будущее? Не знаю. Честно не знаю. Точнее знаю, что не будет. Но ведь так не хочется, чтобы люди ошибались и сами себя загоняли в пропасть. В пропасть безумия. Отчаяния. Непонимания. И тогда хочется воскликнуть: Люди! Опомнитесь! Ведь в ваших силах все изменить и вернуть счастье! Но, как у Высоцкого, в ответ тишина... Вот только там друг не вернулся из боя, и потому еще горче слова, от того что «Мне теперь не понять, Кто же прав был из нас, В наших спорах без сна и покоя», потому что «Мне не стало хватать его только сейчас, Когда он не вернулся из боя». И это самое страшное, когда не ценят то, что есть сейчас, а когда этого уже нет... Когда нет, тогда мучительно страдают в размышлении о том, что же я наделала, что потеряла такого человека. Ведь он искренне меня любил. А я... А я... А она... Нет, она не дура. Дура это слишком оскорбительное ругательство для столь нежной души, запутавшейся в потемках собственного «Я». Но то что придет осознание свершенного, это к сожалению точно. Удачи вам всем! Берегите любовь!

Глава 24

Я рад, что жизнь расставляет все по своим местам. И что в итоге рано или поздно, но каждый получает то, что заслуживает. В одном случае, ежедневный фарт заканчивается крупной неудачей. В другом случае - жизненные сложности разглаживаются, и вы находите то, что искали. Понятно, что сложно. Понятно, что не всегда. Но в который раз убеждаюсь, что жизнь построена циклами. И на фоне самого прекрасного веселья стоит задуматься, что когда-то придется за все платить. Правда, мне больше по душе другое, когда после самого откровенного отчаяния вы находите

счастье. И еще лучше, когда во время этого «счастья» вдруг нарушаются земные законы, и это счастье уже не кончается.

Каждый человек действительно заслуживает то, что должен заслужить. Важно верить что все будет хорошо, и что рано или поздно судьба, оценив вас по заслугам, даст именно то, к чему вы стремились. Главное, чтобы ваша цель не менялась, тогда легче ее достигнуть, сосредоточив все усилия в одну точку. Впрочем, и Архимед когда-то взывал, дайте мне точку опоры, и я переверну мир. Утопизм был свойственен Томасу Мору, иллюзия... Когда-то меня заинтересовал роман «Иллюзия реальности». Написан он был от лица женщины, которая описывала свои отношения с мужчинами. Загадочный роман, вышедший в начале нового века. Некоторые женщины удивительно странные создания природы. Когда вы им говорите что они вам нужны – они готовы убежать от вас как испуганная лань. Когда вы им показываете свое безразличие – они бессознательно тянутся к вам. При внутренней влюбленности, разумеется. Загадка. Загадка в плане даже зачем это им, когда намного проще любить и быть любимой, чем страдать в своем внутреннем душевном мазохизме. Ведь когда любишь - можно действительно жить. А не ждать когда пройдет женская молодость, и уже будешь готова выйти за первого встречного, лишь бы любил. Но вот зачастую так оказывается, что этот самый «первый встречный» и красив не так как тот, другой, и любит какой-то непонятной для вас любовью, да и психику зачастую имеет подпорченную временем. И понятно, что вы бессознательно сравниваете его с тем, другим, а после или плачете спрятавшись в уголку, или же пускаетесь во все тяжкое. Сами боясь себе признаться, что и то и другое есть страдания для вас. А скоро и молодость пройдет совсем. И начнутся тяжелые будни никому не нужности.

Нет, конечно, в любом возрасте хоть кому-то, но женщина нужна. Но, к сожалению, тут ключевое слово «хоть кому-то»...

Глава 25

Человек не может знать все. Он может что-то понимать, более-менее уверенно разбираться в каких-то вопросах, но не более. Кроме того, существуют определенные области, так сказать, специализации человека. Специализация затрагивает вопросы, в разрешении которых человек относительно комфортно себя чувствует. И при этом, думая даже так, я допускал, что следует обязательно вводить определенные погрешности даже в цепочку собственных размышлений. Да и любые размышления следует фильтровать на предмет заблуждений (порой искренних). Такие заблуждения можно встретить у каждого. Человек не может знать все. В каких-то вопросах рано или поздно начнет преобладать его субъективизм. Так сказать свой, почти всегда отличный от

другого, взгляд на окружающий мир. Да и сам мир при этом начнет периодически выбрасывать «коленца», так что в итоге, кто-то забрасывает излишне мучительные размышления, желая оставаться собой, кто-то точно также хочет быть собой, но при этом ищет себя как раз в размышлениях.

Но что есть по сути размышления? И еще... как же иной раз бывают такие размышления мучительны. Нельзя в них полностью погружаться. Погружение уводит от реальности мира. Мир, конечно, может быть и нереальным. Мир вечен, и может себе позволить быть любым в нашем представлении. И это действительно только наше представление, ибо каков на самом деле мир - никогда и никому не удастся узнать. Все последующие мыслители всегда отталкиваются от мыслителей, которые жили до них, и которые в какой-то мере сформировали определенные стереотипы понимания того или иного вопроса. Поэтому все, что возможно сейчас, это или продолжать начатое, или отвергать; но тогда уже такое «отвержение» через время начнет походить на поиск ошибок в существующих размышлениях; размышлениях при этом исключительно известных. Множество людей периодически что-то пишет, но становятся известными сочинения ничтожно малого количества людей. И хотя это не значит, что их путь творчества напрасен, но по сути - это в какой-то мере так. Ведь пишут, чтобы читали. И чем больше читают, тем большая уверенность, что написанное вами переживет вас. Но при этом, по всей видимости, должно быть и что-то еще такое, что не всегда постигается пониманию. И даже можно было бы предположить, что этого и вовсе не существует. Но это не так. Существует.

.....

Иногда мне казалось, что я мог спрогнозировать свою последующую жизнь. Но по сути - это была большая иллюзия. Ибо на самом деле я не мог даже предсказать что будет в следующую минуту. Зачем тогда говорить о вечности? Но я должен был об этом говорить. Мне так было спокойнее. Мой мозг, мой, как я считал, совершенный мозг, должен все время испытывать определенную нагрузку, потому как иначе попросту невозможно. Невозможно, потому что я умру. Невозможно, потому что если и буду жить, то жизнь потеряет смысл оправданного существования. И как ни странно это звучит, но это было так. Более того, если я делал себе поблажку, сознательно (а это получалось только сознательно) переключая мозг в попытке акцентировать внимание на совсем посторонних вещах, это мне не удавалось. Не удавалось, потому что было попросту невозможно. Не удавалось, потому что для осуществления подобного требовалось не только время, но и нечто, чего точно не было у меня в тот момент времени. И так это было. Было не потому, что я этого хотел. Было, потому что вмешивались в этот момент совсем потусторонние силы. А я пытался идти до конца. Мне так было спокойнее. Да и справедливее, наверное.

Понимая более чем условную иллюзию происходящего, я почти никогда не пытался ничего изменить, пустив ход времени двигаться по иному, на тот момент видимо неведомому мне пути. Так это было - и так этого не было. Когда-то я договорился с самим собой, что мне совсем нельзя запутываться. Любая путаница почти неминуемо грозила началом душевных мук и волнений. А это, как я понимал, пусть в неизбежное начало патологии сознания, и в конце концов безумия. Боялся ли я безумия? Думаю, что нет. Точнее, на каком-то этапе жизни я почти убедил себя, что подобного со мной не случится. Быть может даже такого не могло произойти по принципу; по тому, что такого не могло произойти никогда. В такой парадоксальной ситуации я и жил. Сам себя, по сути, обманывая. Или как минимум – вводя в заблуждение. И не пытался повернуть обратно. Мне это как будто нравилось. Нравилось бродить по закоулкам души. Копаться в чем-то, в чем кто-то другой никогда не найдет выхода. А я находил. Правда выход этот был загадочен, и, по сути, завуалирован множеством наслаивавшихся друг на друга событий. Так что через время уже невозможно было разобраться что к чему. И тогда хотелось только одного: бежать сломя голову.

Но подобный бег был сам по себе напрасен. Бесполезен, то есть. Что означало – мне необходимо было продолжать страдать. Хотя так ли я страдал. Размышления о жизни с чьей-то легкой руки окрестили страданиями. Русские писатели-классики позапрошлого века почти все страдали. В то время в обществе была даже сформирована некая мода на страдания. Точнее, такая мода (если уместно это слово в данном контексте) образовалась как бы сама собой. Ошибочно считать, что методично и планомерно она была кем-то навязана. Посыл, подкинутый парой мыслителей, неожиданно был подхвачен другими. И в итоге, в интеллектуальной части общества (помимо интеллектуалов в этот круг входили еще полубезумные аристократы, дворяне, и представители другой – вырождающейся – элиты) стало даже как бы модным страдать. В меньшей степени было принято описывать свои страдания; хотя бы потому, что такие описания не у всех получались. Но вот вопрос? Так ли надо страдать? Не есть ли страдания уже в какой-то мере патология сознания? Невозможность адекватной реакции на события окружающего мира есть патология. Так считал я тогда, так считаю и сейчас. А потому даже всевозможные описания страданий есть ничто иное как закодированная информация о чем-то важном, что таким образом (с помощью описания страданий) я на самом деле пытался скрыть. И это было так. И это было правдой. И чем больше я описывал это, тем чаще повторялся. Потому что все может измениться, но в своей концептуальной форме страдания изменяться не могли. Они были типичны для большинства людей; и максимум что было возможно – в каждом конкретном случае лишь изменяли форму описания страданий. А так все было едино. Да это и нормально. Ну, то есть, в порядке вещей.

.....

Быть может мне никогда не было так тяжело. Хотя, что такое размышления о пройденном или настоящем? По сути ничего. Что-то проходящее. Что быть может даже не возвратится. Что пройдет – и не возвратится. Я задумался. Так бывало уже не раз. Жизнь внезапно накладывала какие-то новые отпечатки на мою судьбу. Первое время мне хотелось во что бы то ни стало повернуть назад. Но проходило время, и я понимал, что вроде как ничего и не надо. Что пусть проходит. Пусть будет так, а не иначе. Пусть уходит все и не возвращается.

Жизнь действительно способна была больно хлестать по щекам судьбы. Я не раз задумывался почему так происходит, пока не понял, что во всем этом видимо есть какой-то тайный смысл, который мне попросту не удастся раскрыть. А потому не оставлял своих попыток добраться до отгадки того сложного состояния, в которое, чувствовал, все больше и больше погружаюсь - сам быть может того и не желая.

Какие-то странные появились сны. Если принять во внимание, что сны это не иначе как проекция бессознательного, то означало ли нынешнее содержание моих снов что все, о чем мне снилось, в какой-то мере уже было?

--Абсурд,-- восклицал я, не принимая неизвестную теорему. Мне хотелось жить. Просто жить. Хотя я понимал, уже не получится. Что обязательно найдется что-то, что выступит той опасной загвоздкой, которая не пропустит мои мысли дальше. И тогда мне придется возвращаться. Уже в который раз возвращаться обратно, начиная все сначала. Там, в бескрайних просторах души, томилось счастье. Хотя вполне возможно, что я вновь в который уж раз заблуждался. Заблуждался искренне, полагая, что ничего на самом деле не бывает так просто, как раз просто от того, что следовало найти, нащупать иной путь, путь, который должен был привести меня к спасению. Спасению души.

Но так ли необходимо было мне спасение? Действительно ли я мечтал о том? Или все подобные мечты скорей всего походили на какое-то полубезумие, полуошибку. Когда я, тщетно пытаюсь отыскать истину, блуждал в закоулках души, в какой-то момент начинаю понимать, что может быть мне уже и не надо искать того, что не суждено было найти никогда. Но так ли это было на самом деле? Действительно ли я стремился найти эту истину, это понимание; когда уже бы не осталось ничего, что могло бы привести меня к иному пониманию действительности; той не столько страшной, сколько скорей всего загадочной действительности, в которой я жил, но на самом деле поиском которой занимался всю жизнь. Пусть пока и не долгую жизнь. Жизнь, которая была, конечно же, моей (да и я никому бы ее не отдал); но тогда уже именно в этой жизни я хотел разобраться. Разобраться даже главным образом в необходимости ее. Но бродя по ее закоулкам, так и не находил ответа.

--А быть может - ответа нет?— не раз приходило мне, но что я мог в такие минуты сказать самому себе, когда даже при ясном сознании не видел истинности собственного пути наверх. Пути к избавлению от накатывавшего порой состояния духа. Когда начинал вдруг так явственно все переживать, что становилось по-настоящему тяжело на сердце; а само сердце, казалось, что вот-вот разорвется на много маленьких осколков. И тогда останется только одно, сожалеть о прошлом. О том уходящем вдаль прошлом, которое никогда не возвратится.

Но так ли необходимо чтобы оно возвращалось?— внезапно подумал я. Да, раньше мне хотелось, даже может быть и непременно хотелось вернуть прошлое. Мне казалось, что я там что-то не успел. Не успел договорить, не успел доделать. Не успел что-то прожить. Не успел. Но вот на самом деле... На самом деле (и я понял это только сейчас) мне не особенно-то хотелось возвращаться. Если раньше я даже может отдал бы все или многое за такое возвращение, сейчас, когда прошли годы с момента последних мыслей о былом, мне не хотелось возвращаться. Я поймал себя на этом. Я понял, что вот к чему на самом деле я так долго стремился. Что искал. Что, по сути, не находил, а вместо приближения (как бывало, казалось мне) наоборот отдалял. И это было действительно так. И это было той маленькой истиной и большой победой (а может наоборот, маленькой победой и большой истиной), которая пришла ко мне внезапно, но в которой я вдруг увидел самое настоящее, что могло быть. И прежде всего я увидел истину. Я увидел ту истину, которую так долго искал. Я увидел истину, к которой все эти годы незримо приближался, стремясь достигнуть побыстрее; а то, что это не удавалось, в этом видимо тоже была своя тайная закономерность; закономерность того, что именно так все и должно было бы быть. Именно так и никак иначе.

Глава 26

Было точно, верно и правильно, что в своей жизни я совершал поступки, которые не то что не могли никуда привести, но уже сами по себе несли в себе некую ужасающую направленность, которая не могла ничем закончиться кроме как чем-то странным и нелепым.

Действительно, все чаще я совершал поступки не потому, что необходимо было их совершать согласно текущему моменту, а просто потому что необходимо было посмотреть чем все это закончится. То есть мной в первую очередь двигало любопытство. Причем такой забавный эксперимент над самим собой иной раз мог закончиться и весьма плачевно. По крайней мере, очень часто все шло к тому. И как ни крути, выпутаться и хоть как-то спастись было практически невозможно. Сложно и невозможно.

.....

О том, почему так происходило, в то время я даже если бы и задумывался (а, как ни странно, я очень много об этом думал), уверен, ни к какому решению бы не пришел. Просто в силу того, что я еще слишком мало знал. У меня был слишком незначительный жизненный опыт (чтобы я мог правильно структурировать приходящие мне в голову мысли); ну и, конечно же, я даже не верил – что мне это удастся.

И ведь это совсем не значило, что я не верил в себя. Очень даже верил. Но как-то так выходило, что я действительно еще был слишком юн, чтобы мог правильно распорядиться теми выводами, которые наверняка тогда уже обозначались в моей голове. Ведь как ни крути (и я просто не могу пройти этот факт стороной), но я производил впечатление умного и благовоспитанного мальчика. Близкие даже шутили – что я родился с книгой.

И я действительно, казался очень умным. Хотя, наверное, и не таким уж умным. Но восприятие людей – это восприятие людей. Оно может родниться с нашим представлением о себе, а может и не родниться. Как Бог даст.

Но я вот периодически словно намеренно заходил в тупик. Чтобы оставить за собой право – потом из него выбраться. И можно сказать – у меня получилось. Хотя, конечно же, так не всегда казалось.

.....

Мне хотелось бы кое-что пояснить. А все дело в том (и в последующем, я только все больше и больше убеждался в своем предположении), что я по своему психическому состоянию не мог адекватно оценивать окружающую действительность.

Быть может все дело все дело в эмоциональном конфликте. Когда психическая энергия внутри меня разрасталась до таких пределов, что не только явно перехлестывала через край, но и выходило так, что она заметно мешала мне жить обычной жизнью. И во мне тогда все больше и больше разрасталось состояние внутренней опустошенности. Я не находил себе места. Меня буквально сотрясало: изнутри сотрясало. Мой мозг порой начинал работать в таких хаотичных режимах, что совсем становилось непредсказуемым абсолютно все. И я действительно не находил себе места.

.....

Я не видел никакого выхода. Я не верил, что у меня могла быть какая-то альтернатива счастливого высвобождения от пут обволакивающего меня безумия. У меня не было никаких оснований полагать, что все у меня получится. Я и так уже к тому моменту слишком долго находился под властью разраставшегося во мне безумия. Именно это было причиной моего

последующего поведения. То есть совершения всех тех поступков, в совершении которых я был бы вынужден раскаиваться. А они, в свою очередь, были вызваны состоянием той ужасающей тревожности, которая начиналась тотчас же, стоило моему поведению выйти за рамки каких-то норм, сформировавшихся в моем подсознании. И если я еще мог как-то противиться проникновению их в сознание, я должен был признать, что бессознательно они прочно и уверенно сидели внутри меня. И должны были пройти многие годы, прежде чем я смог сначала осознать это; а потом уже чтобы и наметились пути какого-то избавления от всего этого.

Что это значило для меня? Чтобы это значило для меня, если бы я и дальше продолжал жить с состоянием тревожности, какими-то волновыми потоками бродившими внутри меня. Этому не было спасения. Из этого не должно быть выхода. Потому что никакого выхода быть не могло быть и вовсе.

Глава 27

Сколько я не пытался разобраться в себе – это мне до конца никогда не удавалось. Все время находилось что-то, что словно бы противилось тому, чтобы я нашел те точки, оттолкнувшись от которых – я бы смог «перевернуть мир». Решить те, как вроде бы и немногочисленные (но судьбоносные) задачи, разрешение бы которых позволило мне по-иному взглянуть на мир, простиравшийся вокруг меня. На тот мир, в котором я словно бы только существовал. Но уж никак не жил. Потому как никакая это была не жизнь. А только лишь существование. Но вот только могу ли я быть доволен тем, что никогда не мог допустить, чтобы смириться с этим. Не мог. Не был способен. Не хотел. А все время как будто и наоборот - стремился к тому, чтобы разобраться с этим. И в то же время как будто наоборот – отдалялся от понимания этого. Слишком что-то все время меня путало. Или словно бы специально я все время запутывал себя сам. Но как бы то ни было, я замечал, что чем больше я как будто бы подхожу к разрешению мучивших меня противоречий, тем больше наоборот – отдаляюсь от них. И ничто не располагало к тому, чтобы мне удалось справиться с теми многочисленными противоречиями, которые все больше и больше инсценировала моя психика. Потому что это было так. Ну, по крайней мере, иначе как будто быть не могло.

.....

То мучительное состояние, во власти которого я пребывал всю свою жизнь (и которое совсем, по-видимому, не собиралось заканчиваться) накладывало свой незримый отпечаток на мою

жизнь. Я могу сказать, что неким образом подстраивал свою жизнь под свою психику. Причем, с возрастом, все, что раньше еще как будто находилось в зачаточном состоянии, обострялось, усиливалось, и в скором времени поселилось в моей душе окончательно. По крайней мере у меня уже не было сомнений в том, что это когда-нибудь закончится. И это притом, что во всем остальном мой организм являл пример удивительного здоровья. К врачам я не только не ходил, но ни разу у меня не возникло и необходимости посещения их. Все органы работали отменно. Печень была исправна. Сердце работало ровно. Голова... ну вот разве что голова.

.....

У меня стали появляться сомнения по поводу того, что то, что происходило с моей психикой, имело какую-нибудь иную причину, нежели чем ту, что была связана с поражением мозга. И действительно, почему я все время обходил это стороной. Ведь вполне возможно, что вместо того, чтобы искать причину непонятно в чем, мне следовало просто-напросто подумать о том, что все могло замыкаться на былых травмах головы.

Откуда были эти травмы? Могу сказать, что настоящую причину их возникновения я не знал. То есть в моей сознательной жизни их попросту не было. Но вот мне случайно попала моя медицинская карта. Еще того времени, когда я был ребенком. И вот там-то как раз и скрывались многочисленные секреты того, последствия которых сказывались на мне до сих пор. Но если сейчас это просто обычные мучения (хотя, могут ли быть мучения «обычными?»), и наверняка если они и смогут к чему-то привести, то уже к полному безумию, то уже раньше... раньше-то как раз это и можно было с полным правом исправить. Не допустить того, что началось позже. И вот почему раньше никто не хватился? Вот это для меня было небольшой загадкой. Загадкой, на которую на самом деле были ответы. Но с недавних пор всем этим ответам я попросту не верил.

Но самое печальное для меня, что как раз видимо именно этим объяснялось то, что психика моя находилась в таком состоянии. Да и поступки мои... Не они ли свидетельствовали о том, что у меня имеется какое-то отклонение в психике. Отклонение от нормы. Нормы, впрочем, так ни кем и не установленной.

Глава 28

К подобного рода вопросам я не только был готов, но и вполне мог признаться, что они преследовали меня на протяжении жизни. Но вот что более еще понимал я (и это видимо как-то перекликалось с разрабатываемым мной сводом правил, причем, разрабатываемым все больше в

своей памяти, ибо пока я предпочитал подобное нигде не фиксировать), так это то, что за каждые поступки, совершенные когда-то - необходимо было нести вполне определенную плату. И в какой-то мере это опять же перекликалось с принципом детерминации. Причем, становились не важны ни сроки давности, ни еще какие параметры. Потому как понял я, что все в мире имеет четкие начало и конец. И если когда удастся нам выхватить мысль (подобное бывает когда нам кажется, что какая-то мысль вдруг неожиданно приходит в голову), то все происходит не просто так, и на самом деле если и приходит, то как раз в результате того, что мысль эта выхватывается из длинного ряда других; существующих уже как бы и независимо от какого желания индивида. И служит, вероятно, целью еще большего нашего приближения к правде. К той правде, конечно, которая способна подобному человеку открыться.

И при этом уже здесь, как мог бы я заметить, когда становится возможным подобное, то означает это, что судьба дает возможность этого. (Судьба и Бог в данном контексте уже суть одно).

--И если подобное случилось со мной,- рассудил я,- так значит на то было особое предписание свыше. Ибо попросту не может быть как-то иначе.

Я задумался. Я уже хотел предположить, что такой человек значит по меньшей мере дурак, как тут же подумал, что негоже мне высказывать подобные суждения. В том числе еще и потому, что моя система требовала подтверждения жизнью и временем. И если я готов предположить худшее, то это не есть правильно. А быть может даже и здесь где-то способна будет закрасться ошибка. А ошибаться мне не хотелось.

Выходило так, что рассматривая вопрос наличия в самом себе адаптационных возможностей (что-то навряд механизмов саморегуляции), я стал замечать, что в иных вопросах я вроде как и не чувствую ни вины ни тревоги. Конечно, пока об этом говорить было рано, но уже становилось понятно, что в вопросе своего рода беспощинности собственной психики (когда можно было уже не испытывать той симптоматики, от которой страдал раньше), я оказывался на высоте.

Жизнь все больше казалась мне забавной и увлекательной. Я уже не лил слезы, сожалел о случившемся когда-то. А словно намеренно вспоминал все это, чтобы по-другому отреагировать на случившееся. Не дав поселиться в душе своей излишнему негативу. И рассчитывая видимо со временем вовсе избавиться от него. Путем, например, даже не поглощения (и пропускания внутрь себя), а преобразования того что было, расщепив в сознании детали негативного события (события - вызывавшего негативные ассоциации), и превратив это в нечто доброе и даже необходимое.

Случалось - получалось. Даже все больше получалось. И если предположить, что в этом было больше от какого позерства и даже воровства (воровства радости у себя), то наверняка нечто

подобное так-то уж не стоило замечать, излишне придавая этому совсем не нужное в таких случаях значение. Оказывавшееся действительно ненужным и большей частью бесполезным.

Поднимая вопрос о некой избранности, я допускал, что не все на самом деле выглядит столь просто, чтобы сейчас я мог так запросто докопаться до какой-то истины. Хотя и если рассматривать вопрос времени, то наверняка также и оказывается, что вопрос времени как таковой - будет явно размыт и сглажен. Хотя бы потому, что ведь не только сейчас начал думать об этом. А уже на протяжении достаточно длительного времени я рассуждал на тему себя, своей жизни. И тогда уже можно было рассматривать вопрос с тех позиций, что я как бы оказался уже к текущему времени подготовлен к подобному ходу вещей. И даже справедливо допустить, что именно все оказывалось так, что я только сейчас оказался подготовлен к тому роду информации, которым и на самом деле располагал; информации, которая, по сути, и открылась мне.

А потому уже оказывается так, что все предыдущее время словно была подготовка к этому. После такой подготовки мои мысли стали в состоянии воспринимать необходимый поток информации в нужном ключе. Чтобы теперь, получив этот ключ (некий ключ доступа) - изменить сознание, повлияв на него с такой силой, на которую ранее я совсем не мог рассчитывать, не боясь что она поглотит меня. А так, получалось, все как бы оказалось весьма вовремя, и весьма кстати. Впрочем, я мог до сих пор еще в чем-то и ошибаться. Ну и тогда уже, даже ошибка эта оказывалась столь необходима мне, чтобы я попросту не остановился на достигнутом. А шел вперед, к тому результату, который уже достаточно явно обозначился.

Глава 29

Как бы уже получалось так, что я, пытаясь в который раз разобраться в том, что со мной происходит, стал приходить к определенным обстоятельствам, мне как бы внутренне и чуждым. И уже выходило, что логичнее всего было бы мне вообще отказаться от подобного. Да еще быть может, попытаться ввести какое табу на собственные измышления. Потому как получалось, что выходили мои утверждения опасными. Достаточно опасными, чтобы даже забыв их, я вынужден был все равно возвращаться к ним же. Да еще и придумывать нечто, что могло бы помочь мне переосмыслить что-то подобное. Как бы осознать все это по-новому, по-другому, и что наверняка - совсем, пожалуй, не так, как это могло бы у меня получиться ранее.

И при этом я знал, что если в полной мере подойду к подобным умозаключениям, то наверняка появится там и некая истина, свидетельствующая об ином отношении ко всему, свидетелем чего я становился. И рассудив так, я по новой бросался на амбразуру исповеди самого себя. И передо мной иной раз открывались такие перспективы, что я сам задумывался над тем, что вроде как и не время еще думать о чем-то подобном; вроде как я, мое сознание, моя психика, мой разум не готовы еще к осмыслению подобного.

В последнее время я старался сузить круг научных пристрастий. И хотя я продолжал иногда читать лекции в вузе, мои предметы еще требовали своего уточнения. Впрочем, это уже скорее было из того, что я больше предполагал, чем на самом деле допускал, что так будет. Ведь так выходило, что на каком-то этапе я вполне мог ограничиться изучением когда-то упоминаемых дисциплин. Притом что знал по себе, как только начну испытывать недостаток в знаниях - тот час же постараюсь их восполнить. И если я ставил цель - почти тот час же с настойчивостью бультерьера вгрызался в интересующий меня предмет. Стараясь отдаваться ему полностью и нисколько не отвлекаясь на постороннее. Я просто умел в таких ситуациях расчертить жизнь на главное и второстепенное. И то, что касалось этого второстепенного, попросту в тот момент отбрасывалось. Причем со временем (годы... годы...) я научился не только не переживать о частице жизни, которая как бы проходила в этот момент мимо, но я и вовсе уже не думал об этом. Не только не замечая какого-то душевного дискомфорта, но и испытывая даже чувство удовлетворенности.

Видимо я смог сломать стереотипы, сложившиеся под воздействием среды. Ведь среда обитания на самом деле невероятно много значит. И в зависимости от круга общения - способна привносить в нашу жизнь несравненно больше негатива, чем это кажется на первый взгляд. И даже если разобраться, намного разумнее не только вырваться из негативной среды (формирующей негатив в поведении и закладывающей модель будущего поведения), но даже как будто вырвавшись (считая, что это так), четче прорисовывать круг общения индивида. Потому как любые негативно настроенные субъекты вполне способны разрушить выстраиваемый мир. Отбросив далеко назад в стремлениях достигнуть совершенства.

И то ли на каком-то этапе мне удалось собраться, то ли попросту со временем вошло в привычку, но я ни о чем не жалел не переживал. Занимаясь наукой и стараясь не отвлекаться на нечто, что могло бы постижению этой науки помешать.

И ведь не сказать, что я так-то мог или хотел задуматься о чем. Но вот выходило, что я отчего-то понял, что стало как-то тесно жить в тех рамках, в которых находился. И пребывая в них, я с тех пор стремился выскользнуть из них. Чтобы, оказавшись как бы наверху того, что до этого довлело надо мной, осознать, что нет ничего, чтобы могло так-то уж помешать. Причем, если

рассматривать вопрос как бы в аспекте того, что действительно могло произойти (а я часто опережал события, воспринимая то, чего еще не было - за уже произошедшее), то тут тоже вырисовывалась иной раз достаточно любопытная картина. Ибо оказывалось так, что, несмотря на повороты судьбы, в то время когда я был чем-то занят, не замечая опасности, которая должна была произойти со мной, так вот тогда как будто (по какому-то удивительному стечению обстоятельств) ничего и не происходило. В то время как стоило мне более внимательно подойти к чему-то, что могло бы привести к опасности, так я уже начинал воображать себе невесть что. И в итоге как будто случайно оказывалось, что что-то со мной действительно происходило такое, на что я мог обратить внимание ранее, и обратив - словно бы дождался подобного.

Я не только иногда был странен и загадочен, но и таковым казался всем без исключения окружающим. Разве что со временем как-то хитро научился с этим бороться. И иной раз попросту не выходил из дома, пока не чувствовал явное улучшение. Причем, оказывалось так, что даже чувствуя его, я все равно перестраховывался. В результате чего совсем невозможно было сказать, что было что-то действительно опасно. Ну, так получалось.

Глава 30

Иной раз меня колотило судорожной дрожью; сознание - то расширялось, то почти совсем исчезало. Я не мог справиться с возрастающим беспокойством. И в ответ на это вынужден был компульсивно отыгрывать внутреннюю тревогу выполнением -- постоянным выполнением по несколько раз в день -- ставших обязательными ритуалов. Например, прежде чем выйти из дома (сам выход тоже, заметим, являлся проблемой), я должен был пересчитать чертовы спичечные коробки, которые запасал на случай каких-то стихийных бедствий. И так как этих самых коробков было более полусотни, задача представлялась весьма ответственной. А про проверки (порой до двух десятков раз с возвращением с полпути) проверки: выключен ли свет, газ, вода, утюг, закрыта ли дверь - уже и говорить не приходилось. Сначала по несколько раз приходилось обходить квартиру (причем все время присутствовало ощущение, что я что-то забыл). Потом подолгу смотреть в зеркало. Причем, чем больше я смотрел, тем больше мне виделось изображение вместо себя какого-то другого человека. А стоило мне выйти из дома - как почему-то необходимо было сосчитать машины, проезжавшие мимо по близлежащей трассе. Причем, я действительно успокаивался, когда в течение четверти часа проезжали именно шесть автомобилей марки «джип». И пятнадцать – «Жигулей» девятой модели. Желательно, чтобы цифры не менялись.

Если они все-таки изменялись - это был своего рода знак, который предвещал появление каких-то критических ситуаций. То есть, по моему мнению, это было своего рода предупреждением. И я стал вести, по крайней мере в своей памяти, что-то вроде статистики, по которой выходило, что если машин определенной марки получалось больше, то в ближайшее время должна будет случиться какая-то беда или как минимум неприятность. Если же автомобилей оказывалось меньше - беда случится все равно. Но время наступления ее могло быть сдвинуто на какое-то время. И чтобы узнать на какое - требовались другие расчеты. Например, сосчитать число пролетающих птиц. А если серьезно, то в случае, если за ближайшие десять минут по тротуару (вдоль той самой трассы) проходили четыре старушки (и обязательно чтобы из одежды у них что-то было белого цвета), то наступление беды должно было произойти не раньше чем через неделю. И целую неделю я мог быть спокоен. Вернее, мог бы, если бы не начинал считать машины на следующий день. А так как я не вел никаких записей (опасаясь, что кто-то разгадает мой секрет предсказания несчастий), то я иногда серьезно запутывался в своих расчетах. И тогда несколько дней я вообще не выходил из дома, пересчитывая по нескольку раз вилки и ложки (каждую вилку необходимо было умножить на четыре - по числу зубьев, а ложку - возвести в квадрат), или те же самые спичечные коробки. Причем, теперь задача усложнялась тем, что обязательно нужно было считать количество спичек в каждой коробке, а если и это удавалось - следовало обратить внимание на посетителей, проходящих по лестнице (лифт в доме был сломан, что только усложняло задачу), определив их число. И по возможности пол. (Пол угадывался по голосу или по шагам; причем мне всегда казалось, что жильцы намеренно изменяют голос или шаги - а потому мной были разработаны погрешности, позволяющие не сбиться с подсчетов и вывести более-менее верный результат). Тяжелая жизнь, однако. Но другой не было.

Глава 31

Следует обратить внимание, что сама по себе женская психология имеет ряд отличий между собой и связана исключительно возрастными особенностями, которые базируются на ощущении собственной привлекательности в отношении самцов (мужчин). Так, мы наблюдаем отличную друг от друга психологию девушек 16 – 23 лет и 24 – 27 лет, молодых женщин 28 – 33 лет, женщин 34-37 лет, женщин 38-и старше, особенно после 40, и психологию женщин предпенсионного возраста 45-55 и пенсионного – старше 55. Связаны все эти отличия с тем, что девочки 16 – 23 лет еще понимают, что сексуально более привлекательны в силу молодости, и потому могут позволить себе глупить больше, чем те, кому уже за тридцать, и особенно после 35, когда женщина уже не имеет той сексуальной внешней привлекательности как раньше, но в большей мере предрасположена на

сексуальный контакт, ибо жизнь проходит и скоро наступит климакс, а значит слишком явное старение женщины, и затруднительность внешне привлекать новых сексуальных партнеров.

.....

Выходило так, что иногда что-то как будто перещелкивалось в моей голове. И нечто удивительно неизведанное внедрялось в мое сознание. Изменяя его. И я вдруг становился не такой как прежде. И мне не хотелось никого видеть. И я бежал от всех. И убегал туда, где меня действительно не мог никто достать. В собственное бессознательное. И я бродил по лабиринтам души, периодически запутываясь, и теряя направление собственного движения. И никто, конечно же, не мог мне подсказать – где был выход из этого подземного царства. Подземного, потому что в моей душе было всегда темно. И роились там порой самые гнусные желания. Которые мне, впрочем, можно было уже и не обуздывать. И я наслаждался удовлетворением их. А мне все казалось: еще немного – и все изменится. Но не изменялось. И не существовало ничего, что заставило бы меня повернуть назад. Вернуться обратно. Хотя бы потому, что, если честно, я ведь и сам наслаждался тем, свидетелем чего являлся. И пусть иногда мне становилось необычайно грустно от присутствия тягостных мыслей, которые неотступно сопровождали меня. Так это было. И мне действительно бывало грустно от этого. Но и точно так же я не поддавался (заставляя себя не подаваться) всем этим кошмарам разума. Ибо мои мысли и на самом деле являли собой настоящий кошмар разума. Моего разума. Который уже как будто и не казался моим. Не совсем казался. Вовсе не казался. И на каком-то этапе больше не существовало ничего, что заставляло бы меня вообще как-то реагировать на происходящее. Так же как и причинять страдания всеми этими (новыми, по сути; всякий раз новыми) ощущениями.

И тогда уже я и на самом деле наслаждался тем, что было со мной. И уже мог перестраивать свою жизнь настолько, насколько мне это представлялось и возможным, и желанным. И ничего с этим уже нельзя было поделать. А оставалось только смириться. Но как только я начинал убеждать себя в этом,-- каждый раз появлялось нечто такое, от чего моя жизнь как будто бы и начинала (тут же) меняться. И тогда уже не существовало ничего, что могло бы потрясти меня. А с другой стороны – существовало столько всего, от чего я мог бы с легкостью превратиться и вовсе в нечто неизведанное, непонятное, и необъяснимо чудовищное. И так это было. И я уже тут ничего не мог изменить. И с этим мне действительно ничего нельзя было поделать. Разве что и вправду смириться.

А иногда начиналось и вовсе невообразимое. Мое сознание тут, конечно же, оказывалось и вовсе бессильно. А все, что было вокруг меня (и совсем еще недавно имело вполне четкие линии и границы), теперь становилось расплывчатым; то резко уменьшалось в размерах, отдаляясь от меня, то наоборот – увеличивалось, наслаиваясь на меня, и заставляя в ужасе метаться, опасаясь что оно

сможет поглотить меня, раствориться во мне. Но уже как бы я не убегал от этого, я чувствовал, что сам начинаю растворяться в этом. Причем, все иной раз происходило настолько внезапно, что я уже чувствовал, что это и не я вовсе. А какой-то предмет. Которым я вдруг неожиданно становился. И тогда уже (когда происходило так) я действительно терял границы своего «Я». И становился расплюсчен – этой наслаивающейся на меня реальностью. И уже ничто как будто и не говорило, что мне удастся спастись. А потом вдруг исчезало. И я падал обессиленный. А когда приходили силы – я еще долго болел, чувствуя себя разбитым и опустошенным. Меня словно высосали изнутри. Выкачали все содержимое моего организма. Оставив лишь оболочку.

И не было ничего, что могло бы меня спасти. И мне долгое время было по-настоящему плохо. И, если честно, я совсем не знал, изменится ли когда-нибудь мое восприятие действительности. Станет ли легче. Но легче, конечно же, не станет. И лишь только от того, что я как будто просто привыкну к этой своей новой действительности, а ощущение ирреальности происходящего никогда не изменится -- я готов был смириться с этим. Заставив себя жить новой жизнью. Той жизнью, которая теперь у меня была. И которую я должен был принять как должное. Ну, хотя бы потому, что у меня уже и не было иного выхода.

Глава 32

У меня были все основания полагать вслед за Фрейдом, что первопричину происходящего со мной надо искать в детстве. Именно там, вероятно, и начало происходить все то, что уже после стало непреложным следствием моей жизни. И я ничего не пытался изменять. Потому что, только было задумался об этом, и словно некий знак свыше, ко мне пришло ведение того, что как бы я ни пытался, на самом деле ничего не произойдет. А я лишь только впустую потрачу время. Да и вообще могу еще навредить себе. Хотя... вопрос, наверное, до сих пор открытый. Но с другой стороны, как я могу отказываться от того, что могло что-то измениться в моей жизни? Перемены, конечно, не всегда так то уж оправданы. Но в моей ситуации, должно быть, надо было бы использовать любые возможности, чтобы внести в свою жизнь какое-то разнообразие. Разнообразие, которое достигалось порой черт знает чем. И потому мне так хотелось побыстрее вернуться в детство. Чтобы что-то выяснить там,-- после чего возвратиться обратно. Вернуться. Обязательно вернуться. Ибо у меня было не совсем хорошее предчувствие, что произойдет еще какое-то время – и я могу окунуться в детство уже навсегда. Без попытки какого-либо возвращения обратно.

.....

Иногда так случается, что стремимся мы успеть сделать вроде как и то, что нам совсем не нужно. И даже понимая, что если мы сделаем это, может нам и вовсе стать от этого даже хуже.

Странно, но все это действительно так. Притом что иной раз я не понимаю как возможно, чтобы этого никто не понимал. Скорее - понимают. Но все равно делают. Словно бы по-прежнему совершая ошибки, не признавая или признавая их, но все повторяется по-прежнему. Загадка? Загадка. Человек вообще состоит почти исключительно из загадок. А те невольные ответы, что дает сам себе, словно бы из разряда не совсем нужных, не актуальных, и словно и вовсе необходимых лишь для того, чтобы дать какой-либо ответ; при том что этот ответ ни ему, ни тем более кому-то другому совсем не нужен. Но ответ все равно дается. Без ответа было бы, наверное, и вовсе скучно жить. А так - какое-то подобие обретения уверенности. Потому как это уже вошло в архетип индивида: если мы что-то отвечаем, значит знаем, и значит жизнь не так плоха, страшна, или безобразна. И что уж точно (говорит нам подсознательно разум) - на что-то мы еще способны, чего-то стоим. Хотя бы в восприятии себя.

Глава 33

Я понимал, что многое уже безвозвратно потеряно. Хотя и тут я мог сказать, что не всегда то, что теряется нами, нам по-настоящему необходимо. Случается так потому, что подобное правило как бы встроено в категорию бытия. И несмотря на любые наши усилия, никак не получится высвободиться от чего-то подобного даже в рамках многих существующих положений этого мира. Тогда как иной раз начинаем мы горевать и раскаиваться в произошедшем. А зачастую оказывается - напрасно.

.....

С одной стороны прошлое, конечно, несло свое тайну. И с каждым прожитым годом вы могли эту тайну или отгадать, или же еще более отдалится в разрешении ее. И неизвестно на самом деле к чему бы - и когда - это все привело, если бы каким-то образом вас уберегала судьба от излишних откровений; и вы замирали на миг; а после уже было трудно возвратиться на то место, с которого начали свои размышления-воспоминания. А наши воспоминания как река. Войти в них дважды невозможно. Потому что каждый раз обязательно или вспомнится новая деталь, или что-то забудется; или будете не в том настроении, чтобы правильно оценить какой-либо жизненный момент; ибо на самом деле это весьма сложно. И на правильную оценку может влиять все что угодно. От насущных проблем, до глобального потепления (ну или похолодания). В общем, в то, что влияет все, вероятно следует просто поверить. Проверить это в режиме реального времени

невозможно. А с возрастом (или прошедшим временем, что иной раз одно и то же) становится понятно, что когда-то мы были правы. Вот только вернуться в это «когда-то» бывает не всегда возможно. А в иные разы и уже почти невозможно. Разве что попытаться войти в то свое прежнее состояние. Ну, что-то вроде нахождения в транс. Хотя уже точно, что это никакой и не транс. А, наверное и вовсе - черт знает что. И что уж точно - непонятно что. Совсем непонятно.

.....

У каждого из нас бывают проблемы. Тот, который привык самостоятельно решать свои проблемы, при возникновении проблем новых – продолжает жить как жил. И по мере сил решает проблемы уже вновь образовавшиеся. Тот, кто привык что его проблемы кто-то решает, при возникновении новой проблемы по привычке рассчитывает на помощь других; напрочь забывая, что со временем ситуация меняется, а значит когда-то наступит момент, когда твои проблемы никто решать не будет. За время анализа пройденной жизни я понял, что если вам что-то судьба дает – со временем она обязательно попросит обратно. В этом не приходится сомневаться, ибо, как время все расставляет на места, так и со временем приходит понимание для тех, кто этого когда-то не понял. Запомните: рано или поздно судьба заставит вас платить по счетам. При этом глупо понимать это буквально, по типу того, что если вы сделали что-то – вам воздастся это же. Нет. Может быть это – даже и совсем, как говорится, из другой оперы. Но вот факт остается фактом. И как раз подобное следует как минимум знать и обязательно помнить. Дабы, когда произошло нечто (что по наивности можете записать как кара небесная), на самом деле это лишь плата за совершенное когда-то. И никак иначе.

За все надо платить – это главный лозунг понимания жизни. Поэтому, если вы что-то берете сейчас, и с вас не требует платы – помните, что заплатить все равно придется. И иной раз не тем, чем вам бы хотелось. Какой выход? Не брать. А если взяли – будьте смиренны и покорны, когда случится с вами какая беда. Или необходимость совершения каких-то поступков, или ситуация экстремального характера, да что угодно – что приводит к скорби, потому что вам кажется что требуют от вас невозможного, так вот когда произойдет подобное – просто вспомните, что когда-то вы уже получили свое (пусть оно и касается совсем другого чем предмет, что вызвал вашу нынешнюю скорбь). И потому – принимайте смиренно скорби, ибо посланы они вам для искупления за то, что вы когда-то получили бесплатно или с затратами, несравнимыми с ценностью полученного.

Глава 34

Я понимал, что это мой Крест. Я понимал, что уже никогда не будет иначе. Я понимал, что даже если на какое-то время смогу переключиться на что-то другое, рано или поздно все равно возвращусь именно к творчеству в литературе, потому как это было единственное, что позволяло в один момент избавляться (на время, конечно только на время) от того мучительного состояния, что разрывалось внутри меня подобно бомбовым ударам бытия, когда сдетонировав, взрывался клубок из мучительнейших душевных терзаний и страданий души, а внезапно нахлынувшее переосмысление бытия мучительно больно било по мозгу плачущему кровавыми каплями памяти.

И у меня не было иного выхода. Как вариант не писать – пить. Но тогда и непременно говорить, выплескивая все, что таилось внутри. Но говорить самому себе глупо и непродолжительно по времени (надоедает). Говорить кому-то – значит свести его с привычного понимания бытия, ибо весь тот конгломерат неприятностей, который скрывался в моей душе и сигнализировал несчастьем – никто не мог вынести, дабы самому не сойти с ума. Поэтому самое безболезненное (и для себя и для окружающих) это писать, выплескивая все на бумагу. Заезжая фраза «бумага все стерпит» несмотря на мою нелюбовь к штампам и стереотипам в данном случае подходила как нельзя лучше. Да и как это еще назвать, когда бумага действительно принимала в себя все то безумие, которое роилось в моем воспаленном воображении, рисовавшем иной раз такие картины бытия, что ад в сравнении с этим мог быть тихим цветущим Эдемским садом.

Я действительно страдал. Я действительно сходил с ума. Я на самом деле в такие минуты мог сойти с ума. Тяжело мне было. Выплеснув на бумагу свое состояние – успокаивался. И даже не обязательно было описывать все, из-за чего я страдал (кто знает, из-за чего мы на самом деле страдаем?). Достаточно просто писать. Не сочинять. Я никогда не любил слово «сочинительство» если касалось оно моего творчества, потому что я никогда ничего не придумывал и не сочинял. У меня не было такой возможности. Жизнь была столь насыщенной, что даже написал сотни книг – я еще не приблизился и к половине того, что происходило в моей жизни. Поэтому что-то выдумывать просто не было необходимости. Жизнь моя оказалась намного богаче.

Опишу ли я когда-нибудь все? Не уверен. Слишком и правда много, а память выдает материал иной раз самым загадочным образом. И поистине не ведаешь когда это произойдет, и на сколько будут допустимы мои откровения. Ибо словно каким-то чудодейственным образом включаются регуляторы того, что происходило в моей душе в режиме «здесь и сейчас». А учитывая проходящие мгновения, то, что еще недавно было «сегодня» - вдруг становится далеким прошлым.

Будущее? Нет, я никогда не загадывал, что будет в будущем. Даже привычка подобного не появилась, потому как слишком явно ощущаю я полнейшую свою подвластность Богу, его Воле Святой, которая и творит все, что происходит с нами. А что до нашей воли... Да, разумеется, есть она. Но даже из глубинной психологии мы знаем, что то, что происходит с нами сейчас – есть результат того, что было заложено в подсознание ранее. А значит...

.....

Конечно, хочется верить людям. Но вот жизнь показала, что можно верить не всем. И, к сожалению, приходится верить не всем. Нужно верить не всем.

Что такое вера? Вера – это доверие. Всем, наверное, хочется, чтобы им доверяли. Но доверие строится, прежде всего, на паритетных началах. Иначе будет выгода одного, и доверчивость другого. Доверчивость в данном контексте сродни обманчивого заблуждения. Тот есть того, что ни при каких условиях принимать не следует. А значит... а значит все-таки лучше крайне дифференцированно относиться к доверию. И не быть излишне доверчивым.

Вы спросите, а как же тогда человеческая доброта? Ответить стоит видимо таким образом: доброта обязательно должна присутствовать. Но, к сожалению, не всем можно доверять. Если в людях нет лукавства – это одно. А если их общение с вами сводится лишь к одному – как бы вас получше обмануть, тут уж совсем другое.

Вроде бы прописные истины – но понимать я их стал только с возрастом. Да и то, еще не уверен, что сумею применить на практике. Ведь люди по природе делятся на две категории: доверчивых и недоверчивых. Первых можно обмануть. Вторых – практически нет, или нужно приложить к тому порой невероятные условия. Что остается? Не верить? Нет, почему же. Вернее, смотря к какой категории принадлежите вы. Ведь есть люди доверчивые и недоверчивые...

Глава 35

Продолжу когда-то начатую тему про одиночество.

Одиночество непременно важно, если вы хотите полностью погрузиться вглубь себя, дабы ничто вас не отвлекало. Да, зачастую подобного невозможно. На каком-то этапе может подкатывать грусть, и тогда непременно захочется с кем-то пообщаться. Но вот если вы все-таки сможете выдержать этот напор необходимости общения, то почти непременно верно, что у вас получится перейти на следующий этап развития.

Всегда верно то, что вы должны находиться над любой ситуацией. Если вы пребываете внутри нее, то на вашу психику оказывают воздействие многие факторы. А значит говорить о

каком-то независимом анализе в оценке ситуации – невозможно. Независимо – это значит оценка без эмоций. Мало кто может оценивать что-то без эмоций. Даже просто общаться и то уже трудно, ибо нет-нет, да примешиваются какие-то порой совсем ненужные чувства, руководствуясь которыми мы уходим в сторону от того, что и на самом деле должно происходить. То есть это уже как бы происходит (конечно происходит), но вот все получается нечетко, словно даже расплывчато. А отсюда – ошибка и заблуждение относительно будущего.

Конечно, с непривычки одиночество рождает скорбь. Но вот что я хочу сказать. Когда к вам приходит скорбь, это значит, что скорбь является некой расплатой за совершенные ранее вами грехи. Некой – потому как сама расплата всегда меньше чем тяжесть греха. В этом заключается, в том числе, и человеколюбие Божие по отношению к людям. Но это на первый, второй, третий раз. Помните, на вопрос, сколько прощать, до одного-двух-семи раз? Господь ответил - до семидесяти семи раз и больше, ибо если есть возможность для искупления, значит будете вы прощены. Поэтому когда случается скорбь – надо помнить что именно благодаря наступлению ее и нашему терпению – происходит в том числе и очищение наше от грехов. А если терпите вы не согрешив ни в чем (хотя нет таковых, все грешны), но вот, если все-таки так, или скорбь, вылившаяся в душевную боль, много тяжелее совершенных грехов – значит получаете вы большой духовный орден. По получении которого знайте что жизнь ваша изменится в лучшую сторону, ибо свершенное добро непременно хотя бы частично погасит и то невольное зло, которое вы еще совершите. И запомните все-таки самое главное – благодарите Господа Бога за пришедшую к вам скорбь, ибо перенося тяготы – искупаете вы свою вину перед людьми и Господом за свершенные грехи свои.

.....

Всегда, рано или поздно, к вам придет разрешение любого вопроса, мучавшего вас ранее. Ничего не следует оставлять без внимания, если вы не знаете выход из ситуации. Если не знаете – такой выход следует найти. Взвесив все «за» и «против», проанализировав любую проблему, можно найти выход. Как анализировать проблему? Прежде всего необходимо найти истоки возникновения. Так сказать первопричины проблемы. Они всегда есть. С чего-то же все началось? Вполне возможно, что такие истоки не следует искать буквально образом как вытекающим из событий, впадающих в вашу проблему. Нет. Иной раз это может быть и где-то рядом. А то к вам приходит расплата за что-то. Вспомним христианство. Есть такое понятие как родовой (родительский) грех. Как известно, существуют три вида греха: первородный грех (доставшийся нам от прародителей человечества Адама и Евы), родовой (родительский) – от родителей, бабушек-дедушек, прабабушек-прадедушек и т.д. И личный грех, т.е. тот грех, который совершает каждый человек уже как бы в режиме сам по себе (ибо за все рано или поздно идет расплата вследствие

нарушения духовных законов жизни). Применимо к нашему примеру, вполне допустимо, что ваша проблема вызвана не вашими какими-то конкретными поступками, а расплатой за что-то, совершенными вашими ближайшими родственниками. Так же, впрочем, как их проблемы могут быть вызваны не их поступками, а вашими. Это надо учитывать.

После того как вы примерно разобрались в первопричинах проблемы, следует подойти к путям ее разрешения. Здесь обязательно важны детали. Иной раз по деталям (также как за человеком лучше наблюдать когда он вас не видит, а значит ведет себя естественно) можно сделать предварительные выводы. Хотя понятно что помимо деталей следует обращать внимание и на общее и целое. И самое главное, хотя бы у себя в голове, но вы должны понять свою проблему. Понимание – гарантия ее разрешения.

.....

С тех, кому природа дала слишком много, и спрос соответствующий. Невозможно жить так, что, как говорит один мой знакомый священнослужитель, сыт, пьян, и нос в табаке. За все приходится платить. Просто с кого-то спрашивается рано, и у них есть возможность не только искупить вину, но и перестроить собственную жизнь еще на этапе формирования собственного характера и собственной судьбы, а с кого-то спрашивается тогда, когда уже пройдена половина жизни, и в то время, когда хочется почивать на лаврах и просто жить, пользуясь былыми заслугами, спрашивается вдвойне, втройне, а то и вдесятеро больше чем с других; и причем так, что нет возможности что-то изменить, скорректировать, а остается только принимать все как есть, и нести кару небесную, расплачиваясь за грехи.

Я это понимаю. И не ухажу от ответственности. Когда-то надо за все платить. И я должен благодарить судьбу, что такое прозрение мое случилось сейчас, пока не пришла расплата за излишнюю самоуверенность. И понимание, что использовали меня, а не я. Потакали мне, хвалили, льстили, а в итоге попросту использовали, усыпив мою бдительность и ведя свою игру. Или же мучились со мной, в какой-то мере играли, ведя, опять же, свою игру. А учитывая происходящее, повторялось, потому что причина была во мне. Да, я такой. Да, это было у меня с юности, а значит, чтобы я не делал после, все происходило почти по единому сценарию, где менялись лишь имена героев, да быть может события какие дополнялись вновь, а так все едино. Потому что один характер. Потому что одна судьба. Потому что единое предназначение в жизни. И ничто не могло поменяться. Я вот только этого не знал. И каждый раз по новой бросался в пучину того, что уже было. «...суета сует, - все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но

море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи - в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но [это] было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». (Еккл.1:2-11).

И потому понял я сейчас, что совсем напрасно переживал ранее, а значит не стоит мне переживать и сейчас. Ибо «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру». (Еккл.3:1-8).

И вот оказывается так, что и действительно сама по себе моя жизнь оказалась лишь игрушкой в руках Всевышнего. И при этом насколько наивен я был, что собирался что-то изменить? Как и еще более наивным я был, когда искренне, порой до боли отчаяния, переживал за что-то, сетовал, корил, ругал, беспокоился, а то и изводил себя и других почему зря, словно бы забыв совсем, что нет нашей воли изменить ничто в этом мире. Да, есть поступки, которые могут на время лишь что-то отдалить или ускорить. Но вот чего-то масштабного, того, что и на самом деле позволило бы изменить мир – этого, конечно же, не только нет, да и, по сути, подобное невозможно.

Но самое печальное, что понимание всего подобного пришло ко мне только сейчас. Возможно (допускаю это), что раньше были, конечно, какие-то проблески сознания-понимания, но судя по тому, что они так и не оформились во что-то конкретное, значит тогда не пришло время. Помните, всему свое время: время разбрасывать камни, и время собирать камни, время любить, и время ненавидеть...

Я не могу сказать, что кто-то меня ненавидел. Пожалуй, это было бы слишком несправедливо по отношению ко всем, с кем я когда-то находился рядом. Да и ведь почему-то они сами хотели со мной находиться рядом. Ведь если бы сразу даже просматривалось какое-то негодование, понятно, что отношения не сложились бы, как они не складывались с теми, с кем я встречался, но дальше одной или нескольких встреч дело не пошло. А вот если я говорю о длительных отношениях.... Такие отношения все-таки длились какое-то время. От года или около

того и до многих лет жизни. Другой вопрос, счастливая ли была это жизнь и для кого она была счастливая, но она ведь была. Была...

Глава 36

Ситуация, происходящая сейчас, поистине удручала. И при этом я не мог позволить себе, сникнув, опустить руки, просто потому, что не имел на это никакого права. Во-первых, в какой-то мере я сам все подвел именно к такой ситуации. Ведь понятно, что всегда любовные отношения развиваются в радужном свете, особенно если они впоследствии переходят в совместное проживание. И если что-то в последствие нарушается – виноват обычно кто-то один в большей мере, и кто-то другой – в мере меньшей. Мне легче всегда взять вину на себя, хотя бы просто потому, что тот, кто сильнее, всегда виноват в том, что вышло так, а не иначе. Значит где-то – когда еще можно изменить ситуацию, а такие моменты существуют всегда – не захотел это сделать. Другой вопрос, по каким причинам. Важно, что не захотел и все. Значит виноват. Во-вторых, человек честно признался во всем. Значит я уже как бы не имел права сетовать. Да, кто-то может сказать, что природе человека тяжело жить и знать, что живешь временно. Все-таки привычной покой и какие-то устоявшиеся отношения. Но уже исходя из того, что все равно все когда-то изменится, вполне можно было допустить и что лучше пусть изменится тогда, когда свыкнешься постепенно к таким изменениям, нежели чем это свалится внезапно, как ком на голову. А что касается эмоций? Так я их вроде как и не должен был уже испытывать. Зачем? Возраст вроде как такой, что сантименты неприемлемы. Да и любые удары судьбы следует переносить достойно. Помните? Достойное по делам своим приемлю. Помяни меня Господи в царствии твоём. Так что следует просто спокойно переносить все, что выпадает на долю нашу человеческую. А плакать да страдать, и тем более переживать, загоня себя в угол, это неправильно. Жизнь такова. Давно пора понять, что жизнь такова. И ее следует принимать именно такой. Наш мир – театр абсурда. Вот почему я считал и считаю, что наиглавнейшие книги, которых будут достаточно для любого человека, это Библия и собрание сочинений Кафки. Эти две книги вместят в себя все. А если совсем уж будет необходимо ограничить материал, то из Ветхого Завета нужен только Екклесиаст. Из Нового – Евангелие и Апостол. Из Кафки – романы Замок и Процесс. Все. Больше ничего не нужно, ибо это все вместит в себя все что нужно для понимания правды жизни. Именно правды, ибо правда заключается помимо прочего и как раз в абсурдности бытия. Помните слова Тертуллиана: Верую, ибо абсурдно. На театре абсурда построены и произведения Кафки. И в то же время это и есть настоящая жизнь. Библия и Кафка. Как говорил один священник, хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. И потому огромнейшую ошибку совершает тот человек, который

хочет хоть что-то спланировать в своей жизни. Забывая что не только он бессилён, но и люди, окружающие его, точно также бессильны в своем стремлении что-то сделать тем или иным образом. А потому – достойное по делам моим приемлю. Помяни меня Господи в царствие твоем.

Глава 37

Люди из прошлого все чаще начинают будоражить мое настоящее. Черты большинства из них уже стерлись из моей памяти. Но при этом они словно бы ненавязчиво начинают появляться передо мной, угадываясь в тех или иных окружающих; которых я совсем не знаю. Так же как, быть может, и по-настоящему не знал тех, кто когда-то был рядом. На вопрос: действительно ли я считаю, что для меня все эти люди необходимы – я скорей всего сразу не отвечу. Да это и понятно. Не так-то уж и легко ответить о необходимости людей, с которыми как будто и сам потерял контакт. Но уже и тут, вероятно, следует говорить не о какой-то сознательности. И даже скорей всего – как раз об бессознательности. И ответ, почему подобное случилось – простирается как раз, ни больше ни меньше, в область бессознательного. А с позиции этого быть может и следует рассматривать все то, отчего так произошло. А ведь и действительно: отчего?

Начав набрасывать всех, кто когда-либо находился рядом, я неожиданно обнаружил, что список «потерянных людей» значителен. И почти одновременно с осознанием этого, меня стал преследовать вопрос: зачем я с ними расстался? На самом ли деле в каждом конкретном случае была какая-то причина, или же все объяснялось довольно просто – моей проекцией бессознательного на этих людей. То есть, все те не совсем положительные черты, которыми был наделен я – я самым удивительным образом находил в них. Причем, видимо, нечто похожее (если имело место) происходило как раз в тот момент, когда нам, по моему мнению, необходимо было расстаться. И что я и делал, уже не обращая внимание на какие-то причины, которые наверняка могли бы отвлечь подобное желание, исходившее от меня. Так вполне могло быть. С психологической, так сказать, точки зрения. Но, к сожалению, не всегда следует полагаться на мнение определенных светил психологии. Особенно учитывая, что в каких-то вопросах они могут увидеть не совсем то, что увидите вы. А уже потому, получалось, что именно мое мнение оказывалось наиболее приоритетным в выборе направления, которому буду я следовать. А раз так, то как легитимность бывших моих знакомых, так и необходимость моего расставания с ними – не вызывала сомнений.

.....

И тем не менее жизнь набирала свои обороты. Я встречался с разными людьми. У нас возникали какие-то общие интересы. Насколько помню сейчас – были даже какие-то общие переживания (в результате необходимости решения общих вопросов). И словно бы ничего не говорило о том, что мы когда-то друг с другом расстанемся. Притом что все были действительно искренни. И ничего не говорило, что когда-нибудь может произойти как-то иначе. (Притом что на тот момент никто и не предусматривал, что могло что-то случиться). Но ведь произошло?

Я часто теперь задаю себе этот вопрос. Ведь наверняка может произойти так, что я сам до конца что-то не понял, где-то не увидел что как вроде бы и явно высвечивалось. Ну ведь и действительно так все могло произойти. Но и тогда я уверен, что моя допустимая неконтролируемость ситуации не простиралась далее тех событий, которые я не способен был действительно заметить. А раз так – то следовало говорить как минимум о сознательном (или как минимум бессознательном) отпуске ситуации от себя. И то, какими я при этом руководствовался целями – могу только предполагать. Более чем допуская, что мне нравилась игра ради игры. И я действительно не думаю, что могло быть как-то иначе.

Вообще-то сейчас уже задумался над тем, что считать так – было бы по-настоящему чем-то не совсем честным. Вряд ли я действительно полагал так тогда. И наверняка просто-напросто в дело сейчас вмешивается та самая проекция, о которой вкупе с переносом я уже упоминал. А значит на первое место выходит все то наносное, что заполнило мой внутренний мир за эти годы.

А что до людей, так даже воспоминания о них, по сути, почти ничего не изменит. И не потому, что не занимали эти люди в моем прошлом никакого места. Скорее просто из-за того, что я ничего толком не помню того, чтобы могло мне показаться существенным. А то, что помню, на мой сегодняшний взгляд практически не имеет отношения к делу. Потому как наверняка не прольет свет на прошлое и не изменит положение вещей. Да и наверняка ведь совсем ничего не изменится.

А что, по сути, может измениться? Ведь если разобраться, заинтересован ли я, чтобы это мое прошлое так-то уж выползло наружу? Но даже если и в какой-то мере я не против, то фактически уже созревает во мне убеждение, что это на самом деле ничего не изменит. Хотя и по-прежнему мне хочется разобраться, почему же все происходило (да и происходит) так. И куда периодически исчезают все эти люди. Люди, с которыми был когда-то очень дружен (насколько я вообще предрасположен если не к дружбе, то к какому-то слишком частому общению).

И все-таки мне действительно интересно было понять, отчего все происходило так. Притом что заниматься каким-то бытописанием, как я уже понял, я не буду. Разве что это будет необходимо для разъяснения каких-то концептуальных моделей вообще построения повествования (как бы в целом). Ну и, должно быть, чтобы ярче высветить какие-то моменты. Хотя и что-то говорит мне, что стоит только начать вдаваться в эти ненужные детали, окружавшие мое прошлое, и заметно

растянется повествование. Да и наверняка, немного уйдут в тень какие-то моменты, о которых мне уже удалось если не рассказать, то хотя бы схематично обозначить. И что-то говорит мне, что не стоит так быстро отказываться от понимания роли тех людей в моей жизни. Ведь наверняка им отводилась какая-то роль. Причем также наверное это могли быть и просто случайные люди. Которые каким-то образом пришли ко мне (на каком-то этапе моей жизни). А потом точно также исчезли. Причем сейчас уже, конечно же, и не узнаю их. Хотя и в моей памяти запечатлелся определенный их образ. И если только допустить что не изменились они, а еще лучше, если вернуть меня в то время – то наверняка узнаем мы друг друга. За исключением того, что по идее, изменился я. Не знаю... Может и забавно это, но словно бы что-то и дает и не дает мне вернуться в прошлое. Притом что я по-прежнему уверен, что не только переосмысление прошлого с позиции будущего, но и само прошлое, со всем тем, что было когда-то – важно для меня сейчас. И совсем не будет никогда иначе. Потому что это проверено. Проверено временем. А значит необходимо вновь и вновь погружаться мне в то свое состояние. Чтобы как и всегда – доискаться какой-то истины. Истины, без которой совсем как будто и невозможно ничто. Потому как все, что происходило и будет происходить, будет весьма и весьма запутанным. Только так и никак иначе.

Глава 38

Так получается, что прошлое неким образом нагоняет грусть. И происходит так ровным счетом от того, что понимаю, что многое, чуть ли не все, было совершено не так. Надо было, обязательно надо было по-другому. Но вот почему я не считал так раньше? Почему раньше полагал, что совершаю правильные поступки? Хотя сейчас уже анализируя то, что было когда-то, понимаю что и, по сути, все было не так.

Но вот никак не пойму, что заставляло меня делать именно то, что делал? Ведь наверняка хоть раз интуитивно (хотя бы интуитивно) догадывался, что что-то надо делать иначе. Притом что сейчас понимаю, что иначе – надо было делать почти все. А сама жизнь, без сомнений, могла смело идти по другому направлению. Ну, или хотя бы так же как раньше, но без кучи тех глупостей, в которых я участвовал в качестве главного и единственного героя. Отчего так происходило? Отчего судьбе было угодно не остановить меня? Чтобы задуматься над тем, что совершал я. А задумавшись – следовало непременно все изменить. Чтобы все пошло по-другому. Чтобы не мучились те, кто жил со мной, и те, кто каким-то образом зависел от меня. Потому как уже давно понимаю, что и действительно виноват.

Вот ведь незадача. Сейчас подумал: почему же я совершал так, и вдруг в который уж раз осознал, что ведь и до сих пор продолжаю жить той жизнью, о которой потом буду вопрошать, почему же так все получалось, что жил ей? Почему, почему, почему?

Как и всегда в моей жизни вопросов значительно больше чем ответов. Но и ничто не остановит суматошный бег времени. А мне всю жизнь придется каяться. Уже не сомневаясь, что ничего на самом деле больше не изменится. Как и ничто не отвратит меня от этого пути. Пагубного, по сути, пути. Пути в никуда. Пути, с заранее известным негативным финалом, и более чем негативными последствиями совершенных и совершаемых поступков. И мне бы действительно остановиться, оглянуться назад, задуматься, более чем задуматься, и быть может покончить с собой, наказав самого себя таким вот образом; ибо действительно понимаю, что и давно уже не заслуживаю жизни. Жизни, в которой царит с моей стороны лишь только душевное предательство. И эта чертова игра, заставляющая меня постоянно приспосабливаться ко всем обстоятельствам. В надежде даже не найти какой-то лучший путь, и тем более не искупить прошлые ошибки, а к сожалению, даже наоборот – еще больше приспособиться к обстоятельствам. Причем все представив таким образом, чтобы и ни у кого не было сомнений по поводу моей невинности; потому как я и действительно, словно независимо от себя, все представлял таким образом, что как будто оказывался (да и оказываюсь) все время вне каких-то подозрений; в то время как это ведь и самая настоящая трагедия; трагедия человека, который в душе своей понимает, что он и не человек вовсе; что если разбираться по совести – то не имеет право на дальнейшее продолжение жизни этот человек. Вот разве что только вся оставшаяся жизнь должна проходить в искуплении и стремлении к исправлению ошибок. Ошибок, которые быть может и продолжаются еще совершаться; но уже словно бы и независимо от меня образом; да еще и со стремлением, с надеждой на... В общем – с желанием чтобы все, что произошло дальше, непременно было бы по-другому. Именно так, а не иначе. Все – иначе. И уже без каких-либо сомнений, что это необходимо делать так.

.....

Так выходило, что задумываясь о том, что необходимо все кардинальным образом менять в собственной системе взаимоотношений с внешним миром, я все же бессознательно стремился найти что-то хорошее, что было раньше. И уже как будто я знал, что стоит мне найти это что-то, как уже после этого – следующей цепочкой – будет нахождение оправданности того, совершенного мной. А уже если произойдет так – то уже как бы и вскроются передо мной природные механизмы проблемы. А значит быть может и станет объяснимо, почему я тогда совершал все так. Хотя и про себя уже понимаю, что на самом деле нет этому объяснений. И все доводы, которые появятся у меня, окажутся просто-напросто подогнанными под соответствующие обстоятельства. То есть уже

понимаю я, что будет это как минимум весьма и весьма условно. Более чем условно. И на самом деле это все печально.

Я понимал, что начинаю сам себя загонять в угол. Что на самом деле не существует ничего, чтобы каким-то образом доказывало, что у меня вообще существовала возможность что-либо изменить. И самое решительное, что я на самом деле мог сделать – предпринять все, чтобы мне изменить свое будущее. Вгрызться в эту сучью суровую действительность; изменить ее; повернуть ход складывающихся обстоятельств в другую сторону. Чтобы дальше происходило все иначе. Настолько иначе, что это бы искупило и искупало вину мою перед другими. Ну и иначе и зачем жить? Хотя даже и не жить – а существовать. Приспосабливаться. Выживать...

Но проходило еще какое-то время, и мой мозг (периодически работающий в одном, нужном и интересующем его направлении) как будто бы вновь улавливал лучи ускользающей удачи, и тогда уже мне как никогда виделось, что я смогу найти ответ. Единый ответ на мучившие меня вопросы. Хотя, основной интересующий меня вопрос был один. И уже от него я стремился убежать. Именно так. Вместо поиска разгадка ответа (до сих пор как бы напрашивающегося сам собой), я всяческими силами стремился отдалить от себя приближение оного. Как будто бы опасаясь, что как только разгадаю его – и исчезнет ощущение виновности. Но мне некуда было бежать. Негде скрыться. Уже насколько сейчас передо мной вставали былые события. Меня иной раз буквально шатало от бушевавших внутри волнений, которым я даже не представлял, какое можно было найти применение. И ведь нужно-то было – найти такое занятие, которое способствовало бы перенаправленности энергии. Чтобы сгладилось эмоциональное состояние. Чтобы произошел какой выброс энергии, благодаря которому у меня бы получилось разрядить ситуацию. Причем, ввести в свою жизнь что-либо по типу спортивных занятий или чтения книг я не мог, потому что это уже не приносило мне успокоения. Быть может лишь на какое-то время удавалось заглушать внутреннее волнение, но я не мог полностью избавиться от него. А потому все возвращалось даже в еще большей степени. И уже новые мои ощущения сопровождались появлением внутреннего беспокойства, которое без труда переходило во внешнее, вызывая множество сопутствующих симптомов, как-то: депрессии, страхи, постоянное ощущение внутренней подавленности и беспомощности. И ведь что мне мешало еще больше – это мое хроническое неверие в то, что что-то может измениться. А если и изменится – то будет ли мне от этого лучше...

И оттого – я вынужденно обрекал себя на вечный поиск. И было еще тяжелее, что я не был уверен, что в скором времени завершится моя борьба. Борьба с тем дьявольским, что поселилось во мне. От чего я жаждал избавиться. И от чего мне почти не было спасения.

Мне почему-то все больше хочется вернуться назад к тому периоду, в котором я еще нисколько не испытывал тех душевных потрясений, которые как Дамоклов меч нависли надо мной сейчас. И что уже нисколько не кажется мне странным – именно в том периоде я подсознательно ищущу и успокоения и душевного равновесия и стремление убежать, спрятаться куда-то вглубь своего, находящегося в прострации и нерешительности выбора, сознания; быть может действительно подспудно догадываясь, что именно там (и только там) я смогу обрести покой.

Ну и уже в этом моем стремлении спрятаться в башне из слоновой кости – неким загадочным образом таится чудодейственное приобщение ко всем тем, кто, начиная от Флобера, стремился по всей видимости того же. И что это на самом деле? Боязнь открыться, вывернуться наизнанку в этом бесчеловечном мире? Мире, в котором почти и не дано выжить таким как я. И тогда лишь только незначительные и по детски наивные ухищрения способны хоть как-то помочь затеряться, снизить (а то и попытаться свести на нет) актуальность необходимости приспособливаться. Ибо уже в этом, в такой необходимости – совсем нет ничего действительно необходимого. И это лишь только вынужденная мера. Тогда как перспективы, которые неким негласным образом «озвучиваются» в моем подсознании – сулят мне значительно больше, чем иной раз я даже способен подумать. Да и что такое моя мысль? Она почти всецело находится под мощным засовом сдерживающих ее обязательств (данных неизвестно кому и когда), и уже любое, действительно искреннее ее проявление – почти напрочь купируется некими загадочными стражами, которых и совсем можно было бы не замечать, если бы в тот миг, когда становятся возможны достаточно искренние проявления моего внутреннего «Я» - они начинают всплывать в сознании, незримо напоминая о себе. Но вот что тогда для меня действительно становится возможным? Что (хоть в какой-то мере) может способствовать моей способности достаточно спокойно реагировать на окружающий мир. Да и что сам он из себя представляет? Этот мир. И уже тогда действительно мне более чем начинает казаться, что (как будто бы) и не надо... ничего не надо... И лишь только в туманном стремлении выбраться хоть куда-нибудь, найти то исцеление своим душевным ранам – и будет заключаться для меня возможность существования. Возможность вообще выжить.

Глава 39

Невероятно трудно, просыпаясь каждое утро – бояться сделать какое-то лишнее мысленное движение, чтобы ненароком не нарушить сложившееся после сна единение всех механизмов и мозга, и души, и сознания. И для того, чтобы вот эта самая гармония, никоим образом не нарушилась – ты всяческим загадочным способом стараешься не подпустить к восприятию своей

психикой какую-либо информацию (почти изначально видя в каждой информации негативный оттенок), и если все проходит более-менее гладко – пребываешь в какой-никакой радости. Но и неведение – когда случится вновь атака на психику и ты опять будешь бояться сделать какое-то неверное движение, чтобы только не нарушить ту грань, которая неким таинственным образом разделяет границы сознания и подсознания – и уже вслед за этим, твои движения должны быть достаточно осторожны, а мысли... мысли по возможности должны иметь размеренно-равномерное движение. И ничто не должно быть способно их нарушить. И почти ничего не должно выбить из колеи пребывавшее в нерешительности сознание. Ибо с недавних пор, роль его невероятнейшим образом снизилась. И я уже несколько не был уверен, что мне и впредь удастся контролировать его.

И ведь нельзя сказать, что я чувствовал какую-то тревогу. Скорее – я заставлял себя ее чувствовать. Боясь погрузиться в безразличие, равнодушно приняв то, что быть может и так было уготовлено мне. Можно даже сказать (или уже скорее признаться), что начинавшееся периодически накатывать отчаяние – было не иначе как следствие какой-то пока необъяснимой закономерности. Скорее – было именно такое ощущение. И уже тогда – моя задача была всяческим образом стремиться заглушить, обезопасить себя от начинавшегося... безумия... (Безумия как такового еще конечно же не было. Но опасность, что оно когда-нибудь наступит была столь велика, что я уподоблялся некоему загадочному волшебнику, стремившемуся создать иллюзию спокойной жизни.) И стоило признать – в большинстве случаев мне удавалось обманывать свое не в меру разыгрывающееся воображение; направив его в некое иное русло. И изображая внешне благополучие, а внутреннее даже уверовав в это.

Что это было? Так ли уже это было действительно страшно? Думаю, что в какой-то мере это не только было страшно для меня и опасно для потерявшего ориентир сознания, но и грозило в каком-то скором, но так хотелось бы – отдаленном времени - перерасти в действительную катастрофу. Когда начинаешь жить в каком-то, большей частью, выдуманном мире. А все, что вокруг – видишь не только в некоем искаженном изображении, но и зачастую, из-за многомерности одного, перестаешь вообще что-либо правильно различать. И ты как вроде бы и разговариваешь с кем, но уже ощущаешь (раз еще пока ощущаешь – значит есть надежда), что не все удастся тебе понять. А окружающие как будто уже ничего и не понимают. И произносимые слова расслаиваются на эхо. И случайно ухватив третий, четвертый... седьмой звук (отходящий от только-то произносимого слова), ты уже с трудом держишь себя в руках, чтобы окончательно не потеряться; потому как начинаешь догадываться, что произносишь нечто нечленораздельное, и даже может совсем не в тему. Да и сам уже не понимаешь зачем говоришь и кто инсценировал этот разговор. Сам ли... Собеседник... А если он, собеседник? Или ты разговариваешь сам с собой? И от всего этого ты теряешься, замолкаешь, убегаешь, панически опасаясь повторения чего-то подобного в

будущем. Этот страх блокирует еще недавно свободные рычажки управления в твоем сознании, и ты теперь испытываешь невероятное затруднение при возможной необходимости разговора, боясь, что это все случится с тобой и на этот раз.

.....

Я часто, слишком часто в последнее время ощущал, как какое-то загадочное беспокойство начинало разрастаться внутри меня. По всей видимости, что-то такое таилось внутри, требовало выхода какой-то нерастроченной энергии. И я почти уверен, если бы я смог когда разгадать причину возникновения этого беспокойства, то быть может я и смог бы тогда от него избавиться. А еще лучше – не допустить впредь развития чего-то подобного.

Однако почти настолько, насколько я был уверен, что причина беспокойства исчезнет с момента его обнаружения, почти настолько же я знал, что это никогда не произойдет. Отчего-то я был уверен, что всего лишь единожды начавшись – беспокойство (и уже как следствие – возрастающая внутренняя тревожность и раздражение) будет теперь постоянно сопровождать меня. И ведь никто не задастся целью вопроса – нужны ли мне такие спутники?

Глава 40

Я любил наслаждаться тишиной. Тогда у меня начиналась настоящая умиротворенность. И ничто меня не волновало. Я становился спокоен. По настоящему спокоен. А когда случалось такое, в принципе, я был счастлив. Потому как хотя бы на какое-то время смог стать самим собой. Во мне затихала внутренняя борьба. А значит ничто не отвлекало, чтобы просто жить. Жить, не обращая внимание на то, что мозг разрывается от усталости. А глаза буквально вываливаются наружу из-за высочайшего напряжения (являющегося, вероятно, все же следствием высокого давления).

Я становился спокоен. И при этом каждый раз спрашивал себя: надолго ли?

Чаще всего оказывалось что не надолго. Это была моя боль. Настоящая душевная боль, превращающаяся в кровоточивую рану. И была вечная борьба сознания с подсознанием. И все то страшное и ужасное, что находилось в моем бессознательном – вырвалось наружу. И тогда моему сознанию становилось действительно трудно. Ибо испытывало оно нагрузку, с которой, в общем-то, и не справлялось.

Нет, нет. Ничего такого – совсем уж страшного – в этом не было. Я не лез на стены. Не кусал прохожих. Не бросал камни в проезжавшие автомобили. Все свое беспокойство я сублимировал. Во что угодно. Начиная от женщин (которых я поразительной настойчивостью сначала влюблял в себя,

а потом отказывался от их любви) и заканчивая употреблением алкоголя, который вливал в себя в таких количествах, что кто-то другой давно бы сгорел, а я наоборот – успокаивался. Ведь мне необходимо было снять душевную боль. Мучения, которые я сам для себя и выдумывал. И когда действительно у меня получалось – я успокаивался.

Кстати, почему-то я не очень любил совмещать алкоголь с женщинами? Хотя иногда практиковал подобное. А на одном из этапов собственной жизни даже стал испытывать что-то наподобие дискомфорта, если в моем общении с женщинами не было вливаний в себя алкоголя. Притом что и после употребления алкоголя все чаще стало хотеться пообщаться с женщиной. Хотя быть может и не так часто. Потому что алкоголь сам по себе уже привносил в мою жизнь самодостаточность. Настраивал на нужные, хорошие, положительные мысли. А потому как бы женщинам там уже места особого и не было. Так выходило...

Но случалось, я изменял своим правилам. И напившись, вызывал к себе ту или иную знакомую (которых всегда пребывало в достаточном количестве), и общался с ними в таком состоянии. Или спаивая и их. Или же пользуясь... Хотя нет. Обычно все же спаивая.

Глава 41

А ведь было в моей жизни то, к чему я совсем не хотел возвращаться. Ну, в том плане, что не все прошлое было мне так необходимо. Отчего-то я хотел и избавиться. Стерев память о том навсегда. И даже не пытаться... Вообще ничего быть может не пытаться. Ну, разве что, иной раз, туманной дымкой накатывало на меня то или иное воспоминание. И я совсем не желал погружаться в него. Словно бы решая, что оно мне совсем не нужно. Хотя и не забывал. Память у меня была слишком хорошая, чтобы что-то забыть. Тем более уже видимо активные воспоминания как бы совсем не способствовали тому, чтобы забыть (подхлестывая и тренируя разум). И все, к чему оян тогда стремился, это сделать так, чтобы такие (нежелательные) воспоминания уже не несли свою негативную окрашенность. И я считал, что многое в этом случае будет не так, а по-другому. Должно быть по-другому. А как было на самом деле - я наверное не знал. Пока не знал. Но ко всякого рода разгадкам стремился. Считая, что со временем должен разобраться во всем. Ну а уже дальше, в зависимости от этого, что-то или показать в своей памяти крупным планом, а что-то и скрыть. Заретушировать. И тогда должна была наступить полная идиллия. Ну, в том плане, что уже не было бы чего-то столь мучительно ненавистного мне, моему сознанию. А даже наоборот - было бы весьма добрым, хорошим, да и вообще - положительным.

Я понимал, что давно уже запутался в той жизни, в которой жил. И она даже мне была не нужна. Не важна. Не держался я за жизнь. Столько лет приходилось расплачиваться за совершенные когда-то ошибки, что я попросту поймал себя на мысли, что устал. Устал видеть, что все продолжается. Что все остается по-прежнему. Что я исправляю, а что-то появляется вновь. Душит меня. Не дает вздохнуть полной грудью. И словно бы уже нет того просвета, на который рассчитывал, и к которому всегда стремился. Ведь шутка сказать, но несмотря ни на что - я ведь по-прежнему ко всему стремился. По духу я был боец. И верил, что все неприятности в конечном итоге удастся победить. Но вот только когда это произойдет,- задавался я невольным вопросом. И томилась моя душа в ожидании. И хотелось ей парить как птица. Не обращая внимания на копошащихся внизу людей. А меня каждый раз оттягивали назад. Говорили, что еще не время. Но при этом словно бы я находил знаки того, что что-то действительно изменится. Что еще немного, осталось подождать совсем чуть-чуть, и все будет по-другому. Но вот только когда это произойдет? Когда случится так, что я буду жить свободно, без удушающего проклятия, спустившегося на меня. Окутавшего душу, заключившую ее в капкан. Когда, когда произойдет такое...

.....

Я бы мог сказать, что мне многое безразлично. И при этом знать, что обманываю себя.

С другой стороны - я не так-то верил и себе. А что касается других - отчего-то старался доверять. Получается, я себя обманывал чаще, чем кто-то меня?

На самом деле я не ставил вопросов и не ожидал ответов. Как то так вышло, что меня вполне устраивало то, что было. И даже если предположить, что что-то до сих пор в моей жизни было не так, я не придавал этому серьезного значения. Считая подобное мелочью, или же просто не утруждая себя излишними измышлениями. Справедливо полагая, что со временем жизнь все равно расставит все по своим местам. Отбросив лишние, и выделив главное.

В моей оценке собственной жизни видимо достаточно отчетливо превалировала та идейная содержательность, которую любой желающий, умудрившийся проследить весь мой жизненный путь, сумел бы обнаружить и достаточно часто, и - иной раз - достаточно явно выделявшимся. При этом вполне разумно было бы заключить, что в вопросе изучения себя как раз сам я преуспел в достаточно большей степени, нежели (можно допустить) какие-либо исследователи. Да и не было таковых, в общем-то. Жизнь я вел если и интересную да насыщенную, то большей частью таковая она казалась только мне. Да и других, стоило заметить, я не очень-то стремился вводить в эту самую жизнь. Притом что уже получалось, если я и задумывался о чем-то, то правдивость

подобных размышлений уже можно было ставить под сомнение. И как раз противоречие читалось в тех аспектах моего жизнеустройства, которые я, сколько не пытался, в должной мере так и не способен был наладить. И если даже предположить, что у меня на многое хватило бы сил и решимости (а сдаваться как будто я был пока не намерен), то это ведь совсем не значило, что что-то мне так-то бы удалось. Ну разве что со временем, когда я сумел бы все-таки выйти на какую-то финальную прямую. Хотя, можно предположить, как раз сейчас я на одну из таких прямых вышел. Другой вопрос - сколько мне придется еще двигаться в подобном направлении. Да и дойду ли я вообще до цели с теми же самыми намерениями, что существовали у меня сейчас. А если предположить, что изменятся они? Вопрос...

Глава 42

Несмотря на какое-либо понимание жизни, я продолжал находиться в некоем забытье, после чего вдруг находил, что ко мне приходят иной раз очень даже замечательные мысли. Но потом почти всегда забывался крепким сном. И, по сути, мне было не так-то легко вспомнить все то, о чем я совсем недавно как будто бы и с таким восторгом размышлял.

И при этом можно было сказать, что сам я достаточно искренне стремился понять, что со мной происходит. Но и даже понимание это как будто не вносило какого-то успокоения в мою душу. А случалось, мне и вовсе становилось вдруг достаточно легко и свободно. И тогда казалось, что каких-то особых проблем как будто не существует. А все, к чему я давеча каким-то образом пришел - и вовсе вдруг отходило на второй план. После чего я замечал, что все вообще-то давно уже способно идти неким иным направлением. Которое я, впрочем, угадывал лишь изредка и почти всегда несерьезно.

.....

Выходило так, что видимо я сам отдавал себе отчет в своих действиях, и при этом как бы старался все сделать так, чтобы невероятным образом запутать самого себя. Кстати, свои записи (а я вел записи) я не читал. И не по какой-то надуманной причине, а видимо вполне целенаправленно; словно бы стремился я избежать каких-то воспоминаний, которые и так, надо заметить, весьма преследовали меня; а тут, уже получается, могли и вовсе привести к чему-то по большому счету нелепому и даже может непоправимому.

.....

Я тянулся ко всякого рода биографической и мемуарной литературе. Прочитывая ту иной раз в невероятных количествах. И даже можно предположить, что и сам задумывал писать нечто подобное. Притом как это должно быть и во что вылиться - я не знал. Разве что предполагал, но что мои предположения, когда я замечал, что они способны были запутать всех без исключения (включая меня). И при всем притом я весьма ответственно с недавних пор относился к любым собственным словам-мыслям (мыслям-словам). Считая их что-то на вроде откровений, спускавшихся ко мне и обозначающих по сути что-то такое загадочное, быть может даже забавное, и что уж точно - привлекательное. Но когда я считал так - облако, принесшее как будто совсем недавно столь чудные мысли - исчезало. И мне предстояла своего рода новая борьба-сражение; сражение, в котором, как оказывалось, совсем не было победителей. И лишь так иной раз выходило, что я как будто бы предугадывал нечто, что способно обратить во внимание то, чего явно мне не хватало. Но и даже как будто бы заметив это - я все равно стремился достигнуть чего-то поистине невероятного. Отчего иной раз и сам терялся, совершая поистине что-то такое, после чего явным (и достаточно заметным) образом страдал. Причем совсем уже как будто нельзя было говорить о том, что я как-либо внешне отображал такие страдания. Нет. Как раз внешне я научился вести себя таким образом, чтобы не обращать внимания на то, что если и было ясно и понятно, то на самом деле (можно представить) так не было. И при этом выходило так, что я со временем научился скрывать свои чувства, явно ощущая нечто такое, что как будто бы всегда оставалось за кадром жизни в которой я жил. И даже можно предположить, что я иной раз начинал видеть себя со стороны. Когда ситуация начинала напоминать ту, которая иной раз случается с нами во сне. Когда мы имеем чудную возможность наблюдать за собой как бы со стороны. Причем, ощущая некоторые свои поступки столь отчетливо, словно бы мы их и на самом деле совершили. Так вот - я стал испытывать подобное чувство наяву. Да еще иной раз оно появлялось в моем сознании каждый день. Хотя я на самом деле до конца не решил, замедляют эти ощущения какой-то нереальности день, или же наоборот - удлиняют его.

Глава 43

Можно сказать - я все поставил на карту судьбы. Только сейчас я понял (при этом даже не испытал какого ужаса - просто осознание произошедшего), что я все фактически поставил на карту судьбы. Да и случилось это не сейчас. Еще давно, рассуждая о жизни (стоило сказать - мои традиционные рассуждения), я неким образом пришел к выводу, что если будет такая необходимость - я вполне смогу пожертвовать многим ради достижения своих целей.

Позже уже оказалось, что особо жертвовать не пришлось и целей как таковых не было. Вернее, цели, конечно, были. Но они все словно бы рассеивались среди всего того, что было мне и так необходимо. При этом совсем не хотелось говорить о тех обстоятельствах, что практически все в моей жизни случалось тогда, когда я упускал начало подобного. И быть может именно в невозможности предугадать сей миг - и омрачали в последствии мои нынешние дни. Когда я если и видел какой просвет, то шел туда, и только после начинал замечать другие варианты. Которые может и способны были по настоящему увлечь, но что уж точно - совсем не в тот момент, когда это было нужно и по настоящему происходило.

Другими словами, я как будто и вовсе не стремился к чему-то такому, что мне в последующем пожелалось бы вспомнить с большой радостью или хотя бы охотой. И при всем притом, я продолжал свой анализ произошедших моментов, словно бы и не предугадывая их. Но испытывая к подобному некие добрые чувства и верно - какие положительные эмоции.

Впрочем, по натуре я все-таки продолжал являться достаточно скрытным человеком. И если рассудить, то и не так-то легко было меня сбить с пути, который мне самому на тот момент казался наиболее оптимальным и необходимым. Кстати, как раз в этом я напоминал одного своего знакомого профессора. И несмотря на то, что тот в последнее время весьма оторвался от всех в своих научных открытиях (включая и меня), я все равно продолжал весьма положительно (с соответствующими - добрыми - эмоциями) думать о нем. И даже можно предположить, в мои размышление уже достаточно часто закрадывалась этакая тень легкого сомнения. Чему виной, вероятно, были наши слишком редкие встречи в последнее время. Да и, по сути, я уже стал догадываться (промелькнувшее было соображение тут же исчезло; чтобы появиться после и остаться на всегда) о своей невероятной схожести с ним. И даже можно было предположить, что общаясь или только думая о нем - я невольно видел в нем себя. Проецируя на него все то, что было уже в моем состоянии психики. Причем, наверное сам я как будто и догадывался об этом. Но еще через время я (одно время носившийся с подобным откровением и решавший как лучше мне скорректировать свою жизнь) понял, что все это есть как минимум обман. (Как максимум это была моя собственная патология психики, и я об этом предпочитал не думать.)

Тем не менее, после открывшихся откровений я решил, что моя жизнь, по всей видимости, действительно требует серьезных корректив. И даже вообще, быть может, я именно сейчас находился на пороге самых удивительных открытий (в области себя), к которым раньше лишь только приближался. Но что уж точно - не входил даже в зону узнаваемости последних. Отчего приходилось мне через время начинать все сначала. Причем уже так выходило, что чувствовал от всего этого я некоторую неудовлетворенность (происходящим). И быть может даже так получалось,

что все, что со мной происходило - было, по сути, и не таким уж важным, как это могло казаться в результате моей мыслительной деятельности. И даже если предположить что...

В тот день случилось еще много моих размышлений. И можно согласиться, что по основным из них я практически оказался на пороге действительно открытий в сфере разгадывания себя. Ведь вся моя сознательная жизнь (таковую я вел лет с тридцати, хотя ростки проступали уже в двадцать) была подчинена фактически узнаванию своих адаптивных возможностей в приложении к окружающему миру. И если предположить, что подобная игра весьма затянулась, то можно было говорить сейчас о том, что что-то в этой жизни я действительно разгадал. И даже уже получалось, мог изменить - на фоне этого - дальнейшую жизнь. Ну и уже получается - судьбу. Хотя стремился ли я к подобным изменениям - оставалось загадкой.

Что скрывалось в глубине моего сознания? Что таилось там, и все время норовило выйти из сдерживавших меня оков? Что это было? Это была сила. Это была невероятная по своему значению сила, которая заключалась, которая выбрала для своего «заключения» меня. И в этом я был ей благодарен.

Глава 44

По сути, я всегда боялся того, что со мной происходит. И я придумал то, что - в принципе - на моем месте должен был бы придумать каждый: я научился разговаривать сам с собой.

Это было упоительное зрелище, если бы кто посмотрел любую из таких бесед. Но это почти невозможно. Я предпринимал настоящие меры предосторожности, чтобы никто не заподозрил меня в разговоре с самим собой. Ведь я знал (в том числе и как преподаватель психологии) как это могут расценить окружающие. А потому вел беседы тогда, когда никого наверняка не было рядом. И даже намного чем рядом. Да я почти и не вел таких бесед. Это все же было слишком опасно. А мне ничем нельзя было ставить под сомнение свою вменяемость. Ведь в таком случае я мог лишиться работы. А помимо того, что это все же был его заработок, я лишался бы практической составляющей всей своей теоретической базы. А этого я не мог допустить.

.....

Я действительно этого допустить не мог. Ведь я должен был закончить свой путь. А кроме тех многочисленных мыслей, которые базировались в глубине сознания и подсознания (я беззаговорочно принял структуру психики, предложенную в свое время Фрейдом), мне еще

необходимо было всячески подкреплять свои и мысли и знания практической работой. Той работой, которую я вел со студентами (и пользовался, замечу, непререкаемым авторитетом), и той работой, которая теперь была смыслом моей жизни.

Быть может и не закончилась бы жизнь, если бы эта работа прекратилась? Но она наверняка закончилась бы, если бы я потерял идеологические составляющие (так сказать - направленность) своей работы. А значит я должен был всячески маскировать свои разговоры с самим собой. И вести их большей частью так, чтобы об этом никто не мог догадаться. Не могли догадаться окружающие. Хотя окружающие (как я предполагал) о чем-то все же догадывались.

Впрочем, вряд ли они могли догадаться обо всем. Всего не знал и я сам. Но о чем-то они догадывались наверняка. И с какого-то времени я еще и вынужден был обращать внимание на то, чтобы наблюдения окружающих за мной не вышли за рамки всего лишь предположений. И, в принципе, у меня получалось.

По сути, я попутно вел еще одни записи. Это были все те же наблюдения за своей жизнью. За своей внутренней жизнью. И это было настолько важно для меня, что я даже не собирался включать их в свой основной путь. Это был отдельный труд. И значение его я знал, что сейчас еще невозможно оценить. Много, слишком много в своей жизни я делал с расчетом на будущее. На то будущее, которое я, быть может, и не застану. Но у меня просто не было возможности изменить свою судьбу. У меня были все основания предполагать, что все должно было быть именно так. А раз так, так к чему все эти нелепые (и совсем не нужные) сомнения, которые иногда возникали у меня. Мне необходимо было делать свою работу. Выполнять свое предназначение. И разве было время (разве мог я это себе позволить?) отвлекаться на что-то временное или преходящее? Я думал о вечном. Я давно уже себя приучил, что это должно быть именно так. А раз так, то и не нужно было мне останавливаться, задерживаясь на чем-то, что и так исчезнет само по себе. Само по себе... Само... По себе...

Глава 45

Насколько я мог судить, ситуация очень часто в моей жизни готова была выйти из под контроля. Так было раньше. Так было и...

Нет. Мне не очень хотелось бы касаться каких-то отдельных случаев. Но уже могу заметить, что в иных ситуациях я сам здорово нагнетал обстановку. Часто мне казалось то, что только могло показаться при каких-то возможных (только лишь возможных) раскладах. Но что это будет

именно так - я ни в коем случае не должен был верить. Но каким-то незадачливым образом опережал события. И действительно, многое из того, что по моим предположениям должно было произойти, на самом деле не только не происходило, но и произойти, в принципе, и не могло. Так что можно признать, что я иной раз здорово ошибался, приписывая каким-нибудь людям, встречающимся в моей жизни те их (мною предполагаемые) шаги, которые они не только не совершали никогда, но и совершить, как оказалось, не могли. Каким-то незадачливым образом я попал в плен интроспекции. И я проецировал свои собственные поведенческие мотивы, приписывая их другим людям, предпринимая в ответ какие-то свои ответные шаги, и, в общем, жизнь начинала (в моем представлении) принимать сугубо односторонний порядок. Это походило на шахматную партию. С самим собой.

.....

Увлекавшись одно время (и достаточно серьезно) шахматами, я очень любил практиковать игру с самим собой. Это было очень удобно. Противник был не нужен. Чтобы начать игру - ведь всегда было нужно настроение (оно же - желание) только одного человека. Самого себя.

И я с наслаждением играл. Но... Но пока окончательно не понял, что если у кого-то это вполне допустимо - играть с самим собой, то в моем случае изначально получается довольно ощутимая предвзятость. И игра всегда заканчивается в пользу того, чьими фигурами я играю (то есть, какие повернуты ко мне). А бывали исключения. Это когда по каким-то причинам я на себя сердился. И тогда наоборот, победу одерживал противник, который должен был сидеть напротив меня.

Это была изначальная предвзятость. Но, на удивление, я мало когда винил себя. (И это касалось, конечно же, не только шахмат). А невозможность какой-то серьезной вины в свой адрес от себя же - объяснялось всего лишь тем, что я знал о себе намного больше, чем кто бы то ни было еще. Во мне жило также огромное предчувствие того, что у меня какое-то особое предназначение (об этом я совсем перестал говорить в минуты даже редких откровений, после того как проанализировал медицинские дела нескольких десятков душевнобольных, и которые также были убеждены о своей исключительности). Не дай Бог еще кто проведет какую параллель между мной и кем-нибудь из этих несчастных, попавшихся на крючок какого-то психического заболевания.

А если разобраться, в действительности я вообще о многом не мог говорить, чтобы не поймать на себе загадочные взгляды и не подпасть под подозрение в сумасшествии. И это притом, что я сходил с ума. Но сходил медленно, с какими-то порой невероятными остановками.

Но это было сумасшествие совсем другого рода. Это было мое сумасшествие. И оно было для меня чем-то поистине близким и родным. И, как мне казалось, управляемым.

Я не боялся - что это случится слишком быстро. Я совсем не боялся ничего похожего. Но я по-прежнему верил в свой какой-то исключительный путь. И, по сути, я всячески к нему стремился. Как раз, быть может, чтобы и не быть заподозренным в этом самом сумасшествии...

Глава 46

Кстати, достаточно ошибочное складывающееся у кого впечатление, что я стремился подменить сегодняшнюю жизнь прошлым. Это не так. Я в равной мере жил и настоящим и прошлым. И что было и верно и непременно, достаточно почтительно относился к значению, какого бы то ни было анализа. Уделяя особое внимание детству. Детским воспоминаниям. Тем более, что детство - это период, когда со мной находились родители. И тем еще более ценен для меня этот период, потому как позволяет ощутить присутствие рядом с собой людей, которых не только нет, но и не будет.

В итоге, я был вновь с погибшими родителями. Вновь мог спорить, доигрывать в недоигранные игры, вести неторопливые беседы, обнять, пожать руку, зайти в гости, повидать ... А также вспомнить...

Как я уже заметил, мир, который окружал меня, заметно отличался от того мира, который обволакивал сознание других. И я знал, что это так. Но почти настолько, насколько я знал об этом, почти настолько же я как бы и стремился все время находиться на грани этого понимания. И уже сейчас можно было смело сказать, сколько бы я не стремился раньше к тому, чтобы до конца осознать это, мне как будто бы и все время что-то мешало. Ну, как будто бы я находился внутри этого мира (то есть с полным правом мог считать его своим), но и точно так же я каким-то необъяснимым образом боялся принять его внутрь себя. И меня как будто бы устраивало, что до недавних пор так до конца я его и не принял. Точнее, создавалось впечатление, что это так. И уже с другой стороны, как оно было на самом деле я если и знал, то словно боялся осознать понимание это.

Что это было? Почему это было так? Почему это было так до недавних пор? А потом как будто бы и наоборот - я с легкостью мог принять его? Вот уж поистине я никогда не смогу ответить на эти вопросы. Хотя, почему? Да нет. Я действительно как будто бы даже и боюсь ответить на эти

вопросы. Меня все время словно что-то удерживает от этого. Что-то мешает мне. Не дает в полной мере признать что это так. Но и знал я при этом, что именно в разрешении этого, в ответах на вопросы эти – и скрывалась самая настоящая тайна. Которая просто мешала мне (теперь понимаю что это так) действительно ответить на все подобные вопросы.

Мир вокруг меня действительно казался мне странным. Я словно находился в необъяснимо ирреальном пространстве. И словно бы все время существовала какая-то тайна. Тайна, разрешение которой мне могло дать несравненно больше, чем это вообще могло быть. И я понимал (а еще точнее – раньше так думал), что если я разгадаю ее, то в моей жизни все-все изменится. Все. Изменится. Вот так вот.

Глава 47

Ничто не могло принести какого-то светлого дуновения в нее. И, конечно же, та обстановка, в которой я находился, совсем не прибавляла мне оптимизма. Более того. Она словно еще больше загоняла мои мысли в самую настоящую ловушку. Ловушку разума. И наряду со всем этим существовал (как понял я уже намного позже) обман этого самого разума. Обман, при котором все, что со мной происходило, казалось мне самым ужасающим из того, что вообще могло быть. Потому как... Потому как... Да так, собственно, и было.

.....

Мог ли я как-то избавиться от моего мучительного состояния? Ну, сначала задам вопрос: хотел ли я? И видимо уже тут возникнут серьезные препятствия на пути ответа на этот вопрос. Потому как, несмотря на то, что ответ как будто бы и напрашивался, на самом деле все выглядело совсем даже иначе. И наряду как будто бы с обычным пониманием того, что могло произойти и происходило, на самом деле все выглядело совсем даже иначе.

Но вот что я вынес положительного из моего тогдашнего опыта. Это, как я уже сказал, возможность переосмысления жизни. Возможность (точнее провоцируемость) появления в этой жизни тех мотивов, о которых как будто бы и раньше мог только мечтать. И при этом я могу с полным правом заметить, что то время действительно было одним из самых моих счастливейших времен. Хотя, по сути, об этом я бы никогда еще до сегодняшнего дня не признался.

Но как бы то ни было, как раз в страдании я черпаю силы и нахожу те знания, которые позволяют мне значительно опередить все те знания, которые я бы мог получить за тот же временный период иным путем. То есть в процессе обычной жизни. С ее более-менее ровным

характером. А так – невероятный стресс как бы провоцирует мою мысль на то, чтобы она работала в несколько раз быстрее, чем до того было бы возможно. И это, к сожалению, было так. И от этого (тоже, к сожалению) я не мог избавиться.

Можно даже сказать, что это как будто бы происходило совсем без моего какого-то участия. И словно бы между прочим - я совершал все это. И при этом не сказать, что все действительно происходило без моего участия. Без ведома моего сознания. Потому как происходило это все бессознательно. И именно потому, сколько бы я не противился этому, ничего бы изменить я все равно бы не смог. А мое желание здесь было и вовсе бессильно.

Глава 48

Несмотря на иной раз мучительный характер воспоминаний, я считаю своим долгом вновь испытать их. Быть может и в слепой уверенности, что подобное поможет мне избежать в дальнейшем повторения подобного. А равно в надежде навсегда избавиться от ряда воспоминаний. Которые, порой, оказывают на меня столь губительное воздействие, что совсем даже не хочется идти дальше в своей жизни, а то и вовсе рождая мысли о ненужности оной. Но и несмотря на это, казалось бы, наступившее осознание, я, тем не менее страдал, выгадывая для себя какое-то особое расположение сознания. И в какое-то время, вероятно, запутав сам себя. И расстроившись - на каком-то этапе и вовсе решил прекратить какие-то искания. Но вот в том-то и дело, что я так уже не мог. Я начал понимать, что от самого меня как будто уже ничего не зависит, и почти одновременно с таким вот пониманием я смирился, отпустив свое бессознательное. Да и на самом деле - это не было так страшно. Да и от чего я должен был испытывать это чувство (вероятно, страшное, по сути), тогда как мне стоило не только продолжать и дальше жить так как жил, но и самое главное – ни в коем случае не нужно было оставлять попыток поиска понимания. Понимания необходимости пути. Скорее всего, так было поистине правильно, - подтасовав под эти свои поиски – необходимую базу.

И ведь не сказать, что меня так уж на самом деле мучили какие-то сомнения. Как известно, сомнения почти не способны были рождаться просто так (ни из чего); и почти наверняка они должны были иметь под собой какую-то основу. Ту самую основу, которая, вероятно, уже чуть позже – способна будет вывести их вперед.

Итак, я не останавливался. Почему-то во мне достаточно плотно укоренилось утверждение (высказанное, вероятно, где-то в подсознании и так ни разу не озвученное), что я должен еще долго

работать над собой. И почти укоренился в мысли, что тот, который я был на самом деле – не совершенен, а чтобы хотя бы приблизиться к идеалу (уже прорисовывающемуся в моем подсознании),- следовало невероятно много работать. Работать над собой. И тогда уже именно эта работа,- и я действительно верил в это,- способна будет меня приблизить к идеалу. Вылепив тот идеальный образ, который видимо навсегда запечатлелся у меня в подсознании.

В чем он выражался? Так ли это на самом деле отличалось от того, что было сейчас? Достаточны ли будут те, уже предпринимаемые мной шаги, чтобы привести меня к поставленной цели? Так кто ж на самом деле знает. Да и что такое знание? Важна именно уверенность. Уверенность да хоть малая толика предчувствия, что все удастся.

Нет, не сказать, чтобы я не знал, что мне следовало делать. Но вот удивительно, что скорей всего так это и было.

И тогда уже мучился я невероятно. Переживал. Расстраивался. Пытался как-то исправить положение. И вновь погружался в пучину охватывавшего меня безумия. Безумия, от которого я так безуспешно пытался избавиться. Безумия, к которому быть может и наоборот, я стремился. Стремился влиться в те ряды сумасшедших, которые на первый взгляд и не были таковыми. Но именно такими они и были. И тогда уже стремясь избежать наступления чего-то страшного для самого себя – я каким-то незадачливым образом все глубже и глубже окунался в пучину поглощавшего меня безумия. И уже оттуда доводилось наблюдать мне воочию все признаки того, что быть может и можно было считать сумасшествием, но вероятно таким все же не было. Да и не могло быть. Не могло. Хотя...

Я не думаю, что мог тогда что-то изменить. Даже сейчас, в это время, вспоминая все то, что в те годы происходило со мной (и, в первую очередь, мое тогдашнее состояние), я будто бы вновь содрогаюсь от ужаса и... жалости. И может даже не совсем жалости в привычном понимании. Потому как почти убедил себя, что подобное чувство было неприемлемо для меня. Неприемлемо. Хотя я вполне допускал мысль что мог и ошибаться. Впрочем...

Мои рассуждения о своем тогдашнем состоянии, почти самым неременнейшим образом должны были вызвать в памяти воспоминания, которые (по цепочке исходящих от них аллюзий) вызывали все те состояние, которое, впрочем, и было причиной всех тех кошмарных состояний, приключившихся со мной. Причем, вполне следует заметить, что на первый взгляд как будто действительно в этом не было ничего опасного. Но стоило взглянуть иначе – и мне уже становилось по-настоящему грустно и обидно. И уже тогда, желая, быть может, поскорее расстаться с осадками тех воспоминаний (а быть может и наоборот – прокрутив их еще раз в своем воображении – получше запомнить),- я скажу о том, что понял значительно позже. И причина (или скорей лишь только следствие) заключалось не иначе как в том эмоциональном состоянии, что не только

переполняла мою душу (а душа и психика в данном случае вероятно весьма родственные понятия), но и служила причиной всех тех злоключений, во власти которых я, в общем-то (сейчас мне кажется - что это так) всегда находился.

И ведь что любопытно – у меня практически не было пути назад. Притом что на каком-то этапе все вокруг закрутилось столь занимательным образом, что я совсем не мог больше контролировать ситуацию. Позволив выйти за пределы сознания. И уже видимо тогда, - я почувствовал, что само мое «Я» почти ничего и не значит. И это притом что и Alter ego распахнуло свои границы. И уже тогда победу праздновали все те многочисленные силы, которые заключены в подсознании. И уже именно оно – получило неожиданный карт-бланш. А я? Да я, в общем-то, и не смирялся никогда с этим. И тогда уже именно это служило причиной того, и что я вообще жил (оставаясь собой), и моей внутренней борьбы, постоянно выливавшейся в борьбу внешнюю, что выражалось в тех моих (зачастую несанкционированных) поступках, которые приводили (иной раз) к совсем уж странным последствиям. Но как бы то ни было – с этим надо было жить. Смириться. И ни в коем случае не вступать в конфронтацию. Что я, вероятно, уже не мог.

Глава 49

Забавно, но сейчас я даже не припомню, когда у меня впервые появилось это чувство. Чувство, выражавшееся в ощущении виновности перед другими людьми. Нет, не перед обществом. Видимо общество я понимал достаточно абстрактно, чтобы испытывать к нему какие чувства. Но вот ощущение виновности перед другими людьми... Это было посерьезнее любого обвинения. Но ведь и не было никакого обвинения. Не было, и не могло быть. Тогда в чем заключалась причина возникновения подобного душевного состояния. Ведь действительно (и это казалось как-то закономерно, слишком закономерно, оправдывая подобное существование), ведь действительно, не нужно даже заглядывать слишком глубоко (внутри себя), чтобы почувствовать, увидеть, испытать разрывающееся душевное естество, нарушаемое (и незадачливо как-то сотрясаемое) вмиг пошатнувшимся равновесием было величия, которого и не было теперь вовсе. Не было, потому как, я как-то разом перестал ощущать некогда прежде находившееся внутри меня равновесие.

И тогда уже сознание разом спутало содержание находившейся где-то поблизости информации (все же, вероятно, анализируемой мозгом, а значит в какой-то мере – можно говорить о легитимности сознания) находившейся где-то внутри. Внутри подсознания. И как будто даже ничего не хотелось. Ну, или перестало хотеться. Неужели на самом деле было закономерно то, что я должен был испытывать подобное чувство. Чувство вины. Но за что?.. За что была эта вина? Ведь если попытаться проникнуться содержанием (найдя какие следственно-причинные связи)

испытывания такого чувства, то, вероятно, должны быть достаточно существенные причины, объясняющие наступление такого состояния. Должны быть. И как будто мне даже удавалось иной раз ухватить постижение смысла; но уже в следующее мгновение – понятие смысла ускользало. Да так, что казалось и невозможно будет ухватить приближающуюся разгадку вновь.

Глава 50

Порой мне кажется, что все, что я сегодня видел - когда-то со мной уже было. Но это ничто в сравнении с тем, что я боюсь увидеть завтра. Накатывающиеся на меня признаки страха способны в одночасье превратить меня - еще мгновение назад начинавшего забывать (вернее - не думать) о каких-либо проблемах - в некое подобие страшно забитого мелкого животного, поминутно переживающего за свою жизнь, но вовсе даже и не пытавшего хоть что-то предпринять для спасения. Или нет?.. Я предпринимаю... Предпринимаю самое простое из возможных способов защиты: я просто на следующий день не выхожу из дома. Дверь закрывается на все имеющиеся замки (их число после последней «модернизации» приблизилось к пяти; да еще столько же на другой двери), плотные шторы не оставляют никакого шанса проникновению внешнего света; в то время как внутреннее освещение зажигается, как говорится, на все сто - помимо огромной десятиламповой люстры я включаю светильники на стенах, да на случай внезапного отключения света - у меня наготове стоит четыре подсвечника по пять свечей в каждом... В итоге, любая связь с внешним миром для меня безболезненно исключается. И все равно я боюсь. Правда больше всего страх начинает меня преследовать с наступлением сумерек. Все время кажется, что в квартире еще кто-то есть. Вооружившись остро заточенным трезубцем (изготовленным специально для меня знакомым слесарем-фрезеровщиком), я обхожу свое нехитрое жилище - и, конечно же, никакого не нахожу. И тогда как будто страх отпускает. Но проходит какое-то время, - и все повторяется вновь. А я проделываю недавнюю процедуру заново.

Кстати, интересно, что мой страх несет в себе несколько разновидностей. Об одной я уже сказал. Другая, - это страх общения с людьми. Это именно она делает меня добровольным затворником. Причем, что любопытно, мне не страшны люди как таковые. И если случится какой разговор - я, безусловно, не только сумею его поддержать, но и это не вызовет во мне каких-то особых затруднений. Но вот в чем вся сложность... Я не хочу... чтобы этот разговор начинался.

Не раз, пытаясь анализировать свои страхи подобного рода, я приходил к неутешительным выводам: причина страха кроется в боязни оказаться навязчивым для собеседника... Подспудно сам себя ругаю, пытаюсь убедить, что страх подобного рода ошибочен по своей сути; и любой человек, если он конечно не хам или не неврастеник, вполне спокойно выслушает тебя, но... засевший во мне

комплекс сильнее. Когда-нибудь, видимо, и смогу от него избавиться; но вот только когда это произойдет?

А иногда мне кажется, что среди самых труднодоступных и потаенных уголков моего сознания скрывается какая-то надежда. Быть может, прячется она там, а мы ее не замечаем. Да и сама психика, по-видимому, есть не иначе как отображение проецирования сознания на нашу жизнь. И каким-то необъяснимым образом именно то, что скрывается в глубинах психики, и является следствием тех поступков, кои мы совершаем; и даже более того, именно это является тем началом, которое стоит во главе всех желаний и поступков.

Я часто задумываюсь, что же со мной на самом деле происходит такого, с чем я не в силах совладать? Ибо действительно - как бы я ни старался, - но с каждым разом мне все трудней удерживать это нечто (что таится исключительно в глубинах и выходит на поверхность совсем независимо от моего какого-то желания) под контролем. Мое расплывающееся сознание сейчас заботит меня куда больше, чем какие бы то ни было еще существующие (наверняка существующие) проблемы.

Но больше всего меня мучает вопрос: смогу ли я вырваться, вырвать свое «Я» из тех потаенных глубин подсознания, пучина которых именуется не иначе как бездной, ибо только из бездны почти невозможно возвращение...

Пока не удастся. Но я и способен до сих пор противиться дальнейшему погружению. Правда, удается с трудом. И плачу я за это слишком большую плату. И самое неприятное в чем она выражается - это страх. Тот страх, от которого я не только не мечтаю избавиться, но который с каждым днем все прочнее и прочнее вселяется в меня, руководит моими действиями, вернее - влияет на все действия, совершаемые мной. И как бы я не хотел от него избавиться, - а вначале я даже не придавал ему серьезное значение, рассматривая этот страх как нечто временное, - мне это не только не удавалось, но казалось что он и вовсе существует независимо от моего какого-то желания или не желания. Как бы - сам по себе.

Глава 51

Все оказалось напрасно. Напрасны мои ожидания того, что это когда-нибудь пройдет; ибо не может пройти то, что только начинается. И начало это настолько страшно, что я с каждым разом замечаю, как усиливается влияние на меня совсем уж потусторонних сил. Хотя нелепо называть чем-то потусторонним то, что таится в глубинах психики любого человека. Просто кто-то, не

подозревая об этом, живет с этим всю жизнь, и оно не беспокоит его. А у кого-то -- как у меня - все время грозит выйти на поверхность, заслонив собой сознание, точнее - заполнив его.

И что же это на самом деле? Обладает ли оно и на самом деле такой силой, что способно навсегда перечеркнуть все мои предыдущие устремления? Или уже не стоит мне теперь так его опасаться? А все самое страшное что могло случиться, - уже произошло. И теперь будет развиваться теми темпами, которые не удастся ни замедлить, ни остановить.

И как-то понимаю я, что вроде как и нет пока силы, способной сдерживать то, начало которому уже положено. И как непререкаем авторитет «утра» сменяющего «ночь» - ведь «ночь» такое положение дел признает без каких-либо нежелательных с его стороны комментариев (насколько, конечно, может оно что-то комментировать), так и все это происходит без какого-либо участия (и само собой - желания) с моей стороны. Ну, а что до того: появится ли когда-нибудь то, что способно изменить (или хотя бы остановить) подобный процесс? Не думаю. И приходится признавать мне это с той долей скептического неудовольствия, которое пока еще позволяет надеяться мне на иное...

Глава 52

Самое страшное сейчас для меня - чувство одиночества. Но подобный страх - наряду с теми, другими фобиями, которые я безошибочно нахожу у себя, - давно уже сопровождает меня. И нет от него избавления. Ибо быть может, если раньше мне удавалось надеяться и верить в свою эту надежду, верить в то, что все это временно, то теперь я понимаю, что подобное мое чувство весьма ошибочно. И нет ничего более постоянного - как временное.

.....

Мне иногда кажется, что все происходящее со мной не иначе как чья-то нелепая шутка. Что вот пройдет еще какое-то время, и кто-то скажет - все! Можно отдыхать! То, что уже случилось - больше не повторится! Но это лишь красивый самообман. Ибо все не только повторялось вновь, но и порой с ужасающей цикличностью преследовало меня.

.....

Сегодня мне стало еще хуже. Это можно списать на случайность. Но я все чаще замечаю, что состояние моей психики только ухудшается. Словно внутри меня разверзывается бездна. И весь я

медленно стекаюсь туда, периодически проделывая сальто и кульбиты с собственным разумом и сознанием. Что происходит? Постепенно исчезает надежда, что когда-либо прекратится это движение. Это падение в пропасть. В бездну. В самую ужасную бездну, из которой вы если и можете выбраться, то только абсолютным идиотом. Дураком. Что в принципе одно и то же. А что до того: прекратится ли когда-нибудь подобное? Да я уже вроде как и не думаю об этом. Да и что кому-то до моих мыслей? Но ведь я это все заметил не сегодня. И не вчера. С подобными странностями я встретился давно. Но вот загадка? Я даже не помню, предпринимал ли когда серьезные действия, чтобы разобраться с этим? Как-то попытаться заглушить... Заглушить ту боль, которая давно уже таилась внутри. Но быть может тогда она не заявляла о себе столь часто, чтобы я мог как-то начать задумываться об этом? Пытаться искать какое-то противостояние?! Не было... Ведь почему-то и правда не было такого... И с тех пор, конечно же, ничего не изменилось. Лишь только заметно усилилось то, что раньше только намечалось. А процесс... Процесс уже стал необратим. И он настолько быстро движется, что его уже не остановить. И как следствие этого, с каждым прожитым годом, месяцем, днем - становится только хуже.

Неужели и правда, не остановить? Слово то, какое... Страшное слово... Раньше никогда и не задумывался я, какие страшные бывают значения у некоторых слов. И большинство подобных значений слов больше как никакие другие говорят о неминуемой необратимости того, что уже наступает.

Сейчас мне, пожалуй, следовало бы думать о том, как еще на время - пусть малое время - сохранить то, что осталось. Сохранить какую-то способность думать. Быть может даже пытаться что-то сопоставлять, анализировать действительность, поступки. Конечно же, свои поступки.

Глава 53

Боюсь... Я очень боюсь признаться себе в том, что я бессилен. Что мой разум не подвластен мне. И что остается только просить у него... просить не уходить... Не оставлять меня наедине с пустотой. С той пустотой, которая неминуемо окружает тех, кто оказывается в схожих с моим, страшных состояниях. Считается, правда, что они его не ощущают. Что, живя в выдуманном мире, такие люди словно дистанцируются от окружающих. От окружающих проблем. Окружающих в нормальной жизни. И с тех пор как это произошло, они несут свой крест.

.....

Покажется ли кому спорным, но в том состоянии, в котором я находился сейчас, мне казалось, что каждый человек несет свой крест. Вся наша жизнь состоит из неминуемых страданий

и несчастий. А какие-то радости, - лишь горькое свидетельство того, что сразу после них обязательно наступит какое-либо несчастье. Случится неприятность. Боль. Горе.

И я так действительно считал. Считал, почти всегда. Наверняка, еще с детства. Быть может, раннего детства. Но вот только сейчас я впервые я задумался о том, что я вполне мог ошибаться. И на самом деле, порядок мироздания совсем иной, чем он казался мне. Почему я это исключал раньше. Ведь не может быть, чтобы мысли об этом не приходили мне в голову. Значит я сознательно отбрасывал их. Открещивался, быть может, действительно от явного. От того, что было на самом деле. А не от того, что только раз показалось мне, а я это принял за правду. За какой-то правильный путь. Путь, который на самом деле был ложным и ошибочным.

Что же мне делать сейчас? Ведь если бы сейчас постараться остановить тот процесс, который медленно забирает у меня остатки разума, сознания, интеллекта... То разве не показался бы я даже самому себе самым счастливым человеком?! Счастье-то, как оказывается, для каждого свое. А я готов признать за счастье то, что имеет большинство. Но как-то не ценит это. Словно воспринимая как должное. И совсем не задумываясь о том, что происходит с любым из этих людей, если они вдруг потеряют свой разум. И сойдут с ума. Тогда уж точно они совсем запутаются в вопросе о счастье. Да и задает ли кто подобный вопрос. Кроме меня. Но может я уже сумасшедший?

Нет... Видимо все таки пока нет... Но это будет... Я даже знаю наверняка, что будет. Ведь именно к этому все идет. И обманывать можно кого угодно, но только не себя. Ведь я уже никогда не буду такой как прежде. Никогда не смогу как-то иначе оценивать окружающий мир, кроме как с позиции начинавшегося у меня безумия...

А ведь действительно... Раньше я даже позволял шутить по этому поводу... Когда (все так же шутя) стремился подвергнуть совсем ненужному анализу то, где по самому принципу, какой-то анализ был не нужен. Но ведь я, помнится, считал совсем не нужным сдерживать собственные мысли. Тем самым, только нагнетая обстановку. А моя психика подвергалась совсем не нужным перенапряжениям. Какой-то невероятной напряженности. Излишней, по сути. Но которое в том периоде ранней молодости, когда я проделывал это - еще совсем не оценивалось с тем негативом, которое это вызывает во мне сейчас. Да и... раньше я и переносил все это намного легче. А мое сознание видимо еще не было настолько затуманено тем, от чего сейчас я просто хочу избавиться. Но уже не могу.

На то она и молодость. А ведь предупреждали меня... Кто-то даже напрямую говорил о грозящем мне в будущем безумии... Но тогда я как-то слишком легко относился к этому... Не то, что сейчас....

Глава 54

Никогда - вы слышите - никогда уже не вернется прошлое. Но так случается, что именно о прошлом мы всегда сожалеем. Воспоминания тревожат нашу память. Вынуждая, иной раз, вспоминать то, что казалось навсегда уже скрыто от нас. Становится ли нам легче? Да быть может и так. Но иногда приходит самая настоящая боль... Но разве об этом я сейчас? Главное - уже сам факт наличия подобной способности нашего мозга. А уже, какие будут воспоминания, это вопрос вторичный. Хотя иной раз случается так, что все эти воспоминания приводят к исключительнейшим страданиям. И мы совсем не способны после этого жить своей прежней жизнью. Но уже с другой стороны, появляется еще одна возможность отличить честного человека от негодяя. Ведь чаще всего страдают и переживают за свои былые поступки люди ранимые и совестливые. А что до подонков... Так я их и за людей не считаю вовсе...

Надо дать позволить себя увлечь каким-нибудь делом. И чем продолжительнее будет его выполнение, тем будет несравненно лучше. Ибо любое быстрое завершение, просто-напросто отбросит меня к началу. Но придется не только в этом случае выдумывать какую-то новую идею, но и я просто обязан буду думать о том, чтобы она смогла увлечь меня. Увлечь настолько, чтобы я смог забыть о мучавших кошмарах ночью, и тревогах со страхами - днем... Иного не дано...

Это было еще более странным, что внешне я и не так уж ощущаю значительных изменений в сознании. И сейчас все тоже, что было и неделю назад. Или месяц назад. Или... (Нет, пожалуй, год назад все было несколько иначе...). Но уже месяц, все как будто держится на прежнем уровне. Даже страхи вроде как отступили. Ну, по крайней мере, несколько дней их не было...

Глава 55

Интересно, но вырисовывается одна занимательная тенденция. Каждый день обязательно случается что-то, что моментально выводит меня из колеи. И тогда уже, на все остальное время -

испорчено настроение. Происходит это утром, днем, вечером... Всегда в разное время и без какой-либо возможности к предугадыванию.

Попытавшись проанализировать эти обстоятельства и найти причину, я поначалу пришел к выводу, что подобное возможно только в том случае, если на этот день у меня запланирована с кем-нибудь встреча. Однако, вскоре понял что ошибаюсь. Как оказалось, все на самом деле намного серьезней и трагичней. Если даже в какой из дней я ни с кем не общаюсь, и даже если какого-то общения и не предвидится, ощущение тревоги приходит все равно. И происходит так оттого, что я просто начну вызывать в себе ощущение какой-то опасности. Искусственно вызывать, все больше и больше накручивая в своем воспаленном воображении каток каких-то несуществующих проблем. Анализируя, зачастую, несуществующие разговоры, взгляды, жесты, поведение которое никто никогда не совершал. Но мне не только кажется, что так было и на самом деле. Но я просто уверен в этом. И ничто не способно меня отговорить, или помешать, переключить мое внимание, чтобы я не делал так. Мне это видится именно так. А значит...

.....

Мне становилось мучительно больно от того, что совсем невозможно было вернуть прошлое. Наверное, в этом уже была какая-то закономерность, что сначала мне приходилось что-либо совершать (будучи при этом уверенным в своей правоте на тот момент). А после - уже мучительно раскаиваться в совершенном. Можно было, конечно, предположить, что такая жизнь. Но тогда - к черту такую жизнь. Жизнь мучительную и нелепую. Жизнь несчастную. Притом что как-то не очень хотелось признавать это несчастье. Но ведь и иного не дано.

И уже возникал выбор: страдать или не страдать. Если страдать, то почти наверняка это означало, что мне предстоит и в дальнейшем обрекать себя на все новые страдания. И как бы ни пытался я выкарабкаться из этого, не так-то просто подобное было сделать, а то и вовсе невозможно.

И тогда возникал практически один способ избавиться от всей этой мучительной навязчивости. И способом этим было - заставить себя перестать страдать. Представить, что все на самом деле не совсем так печально, как было. Что есть силы, способные исцелить меня. И уже если так, то почти наверняка в таком случае можно было надеяться, что мне действительно удастся избавиться от этой мучительной боли внутри меня. И станет легче. Станет наверняка легче.

.....

Конечно, я понимал, что судьба сама посылает все новые испытания. И при этом самое любопытное было, что я считал их оправданными. Вероятно, так на самом деле должно быть. Ну, исходя из того, что попросту совсем ничего не бывает в природе случайного. И все что происходит

с нами, подчинено закономерности. Закономерности, понять алгоритм которой быть может и не представится возможности. Но по всему, это уже и не так важно. Необходимо само написание исповедальных вариаций. Ну а то, к чему это на самом деле приведет? Так может и ни к чему.

И зачастую выходит так, что мне иной раз казалось, что может совсем и не стоит далее мучиться, а попросту признать все совершенное и совершаемое ошибкой. Я уже понимал, что считать так окажусь не способен. Просто обстоятельства складывались таким образом, что я во что бы то ни стало должен был продолжать бороться. Должен уже хотя бы потому, что в ином случае, стоило мне остановиться и сдаться, и последующим шагом... да и вообще, уже означало бы это как бы мое признание ошибочности произошедшего со мной. И наверное даже признание того, что я на самом деле больше ни на что не способен. Кроме как...

А вот тут уже была очередная загадка. Ибо в такие минуты я ловил себя на мысли, что на самом деле не способен в полной мере ответить, на что я могу быть способен. В плане позитивной полезности существования. Ибо получалось так, что я словно изначально чувствовал свое какое-то предназначение. И всей своей последующей жизни должен был это предназначение оправдывать. И что уж точно - двигаться параллельно ниспосланного свыше движения. Ну, или как это мне виделось, что это так. А если предположить, что уже изначально в подобные мои расчеты-размышления закрадывалась ошибка. Ну, подобного я себе попросту не мог позволить. В ином случае и совсем необязательным было бы продолжение жизни. Ибо мое земное существование...

Вот тут, видимо, следовало быть внимательнее. Ну а вообще, если разобраться, чувствовал я, что по большому счету попадаю в капкан, инсценированный жизнью. Ведь получалось, что я с одной стороны стремился к размышлению каких-то внутренних противоречий. А с другой... А с другой я понимал, что фактически с каждым таким разом еще больше запутываюсь. И чтобы мне выпутаться уже из этого безумия, времени потребуется намного больше того, что привело меня в эту яму. Парадокс.

Глава 56

Я верил, что в скором времени все закончится. Но практически из года в год повторялось одно и то же. Хотя и вполне можно заключить, что анализ действительности делал из меня специалиста по психике. Но предложенный масштабно задействовать все мои знания не было. А оттого я вынужден был жить не так как мне этого хотелось бы.

Но интересно было не это. Намного любопытнее проследить причину, выяснить, почему так все произошло. Ведь по большому счету вполне можно предположить, что среди моих знакомых всегда находилось немало тех, кто был искренне рад мне помочь. Вопрос вот только, что я ни о чем не просил. Мне так было спокойнее. Да и никого не надо утруждать. А кто хотел бы чем поделиться – так делятся ведь без предупреждения. Сами. От чистоты душевной и внутреннего богатства.

Сергей Зелинский

2015

© С.А.Зелинский. Кошмары разума.